кратно предлагали им людей и механиков, но они отвечали, что справятся сами. А сегодня в заповедник прорвалась гроза. Ты знаешь, что это была за гроза. Озеро, лежащее над ущельем, много раз давало селевые потоки огромной мощности. Когда Лакост вернулся из Парижа, было ясно, что людей нужно немедленно снимать с корабля. Я выслал силовые гравилеты, чтобы поднять их черепаху над опасной зоной. Они ответили, что поднимаются сами, и отослали наши машины. Их корабль медленно пошел вверх. Тогда-то и вернулась Илль. Лакост показал ей на экран, на котором четко виднелось озеро. Если бы эти мальчишки видели то, что там творилось, они вряд ли стали бы рисковать. Но они положились на свою развалину и она, не поднявшись и на сто метров, снова опустилась на дно ущелья. Я приказал им немедленно покинуть корабль и выслал мобили, которые все равно уже не могли успеть. Я не заметил, как Илль вышла.

Джабжа говорил так, словно все это случилось давным-давно, и он теперь с трудом, но обстоятельно припоминает, как это произошло.

— Но это заметил Лакост. Он вылетел следом.

— Лакост?

— Да, Лакост,— ответил он, и я понял, что он этим хотел сказать.

— Но ее мобиль был одноместной спортивной машиной. Догнать его было невозможно. Когда она подлетала, поток воды уже несся по ущелью, и рев его был слышен этим... Я видел, как она выскочила и впихнула их в свой мобиль, и он с трудом поднялся. Лакост долететь не успел.

Я поднял на него глаза.

— Да,— сказал он.— Мы с Туаном это видели.

— Но разве не может...

— Это была стена воды десятиметровой высоты. Вода, крутящая глыбы камня и вырванные с корнем деревья. Корпус старого корабля треснул, как яйцо. Двигатель нейтрогенного типа работал на холостом ходу, когда защита полетела к чертям и... можно догадаться, что там творилось. Лакост был совсем близко. Взрыв разбил его мобиль о скалы.

— Где он?

— В Женевской клинике.

— Выживет?

— Должен.

— Это — все, Джабжа?

— Это — все, Рамон.

Я вскочил.

— Сиди. Люди из Мирного должны прибыть через час. Нас сменят.

Мы сидели молча. Туан не возвращался. Легкий гул наполнял огромный конусообразный зал. Иногда на пепельных экранах проносились черные стремительные капли — это мчались мобили, посланные автоматическим командиром. И сколько бы их ни улетело, на выходе все равно стоял очередной корабль, готовый ринуться туда, где нужна помощь.

И еще сидели два человека, спокойные и безразличные с виду. Их очередь — тогда, когда бессильна будет самая совершенная, самая современная машина. Тогда один из них встанет и улетит. И, если нужно, следом полетит второй.

Но пока этой необходимости не было.

Не появилась она и тогда, когда, наконец, прибыли четверо молчаливых, сдержанных парней, одетых в рабочие трики. Джабжа говорил с ними вполголоса. Потом подошел ко мне:

— Останешься здесь?

Я покачал головой.

— В Егерхауэн?

Я, кажется, усмехнулся.

— Но только не *туда*. У твоего мобиля нет защиты.

— Не бойся. Я просто полечу...— я неопределенно махнул рукой куда-то вниз.— И потом я должен попасть на этот остров... Как его? Не имеет значения. Комитет «Оверватора».

— Ты должен?— переспросил Джабжа.

— Я должен жить так, как жила она. А она знала. Если я не сделаю этого, я буду считать себя трусом.

— Ты никогда не будешь трусом, Рамон. Иначе она не любила бы тебя.

— Ты знал?..

— Я видел.

Мы вышли на площадку. Два мобиля стояли, как сторожевые псы, готовые прыгнуть в темноту.

— Тебе действительно нужно узнать *это*? — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил Джабжа.

Я не ответил. Джабжа кивнул и направился к мобилю.

— Ты тоже летишь?

— Я к Лакосту.— Джабжа помолчал, глядя вниз.— Помнишь, ты спрашивал, зачем существует Хижина?

Еще бы я не помнил!

— Чтобы с людьми не случалось того, что с ним. Ну, прощай, Рамон.

— Прощай, Джошуа.

Он тяжело оперся на мобиль, так что машина качнулась. Потом обернулся ко мне:

— Она улетела — отсюда.

Створки люка захлопнулись, мобиль сорвался с места и исчез в темноте.

Она улетела отсюда.

Мне даже не нужно было закрывать глаза, чтобы увидеть: вот она наклоняется над экраном, вот поворачивается и идет — не бежит, а просто очень быстро идет. Идет легко и стремительно, как можно идти навстречу смерти, когда о ней совсем-совсем не думаешь, потому что главное — это успеть спасти кого-то другого. И великое Знание, принесенное «Овератором», не имеет никакого значения.

Она проходила мимо меня, и я видел — она даже не вспомнила об *этом*. Она проходила мимо меня уже в десятый, двадцатый, сотый раз, пока я не почувствовал, что частица ее легкости и стремительности передалась мне.

Я наклонился над алфографом. Комитет «Овератора»... «Тебе действительно нужно узнать *это*?» Нет, мне это не нужно. Я задал курс на маленькую кибернетическую станцию на берегу Байкала. Мобиль оторвался от площадки и ринулся вниз.

Я обернулся. Луна всходила как раз из-за горы, и черный силуэт склона, отсеребренный по самой кромке, стремительно уносился назад. Громады построек, опоясывающих вершину, были теперь лишь слабыми, едва заметными выступами. Контур показался мне знакомым.

Вверх по крутому склону карабкался леопард. Он был уже мертв, но он все еще полз, движимый той неукротимой волей к жизни, которой наделил его человек взамен попранного инстинкта смерти.

6 Заказ № 2514

Геннадий Гор

ОЛЬГА НОУ

Рассказ

I

Корреспондент «Квантовой зари» Олег Нар, придя в лабораторию субмолекулярных проблем, в недоумении остановился. Над письменным столом Главного Субмолекулятора висела надпись, смутившая журналиста явным несоответствием ее содержания здравому смыслу: «Попробуй, отними у меня мою смерть».

Может быть, следовало помолчать и подумать, но журналист слишком ценил свое время, чтобы тратить его на молчание.

— Вы же отняли ее у всех,— сказал Нар.

— Что я отнял? — рассеянно спросил Субмолекулятор. Он просматривал какую-то сводку, принесенную ему лаборантом.

— Смерть,— ответил неуверенно и смущенно Нар, словно вдруг забыв это деликатное слово.

— Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы меня за это упрекать?

— Нет. Но для чего висит эта надпись?

Лодий улыбнулся. Он выглядел старше своих лет. И выражение его лица совсем не подходило ни к его поло-

жению в обществе, ни к его заслугам. Вероятно, так улыбались люди полтора столетия тому назад, люди, чьей участью и призванием были неуверенность и слабость.

Олегу Нару вспомнились старинные романы об униженных и оскорбленных. Как удивительно и нелепо, что Великий Субмолекулятор чем-то походил на них, этих бедных людей. На лице его было просящее, почти умоляющее выражение. Но корреспондент «Квантовой зари» сделал вид, что не заметил этого.

— Эти слова,— сказал Нар,— потеряли свой смысл. Они звучат почти как шутка.

— Но ведь полвека назад они соответствовали истине. Десятки тысяч лет люди жили, зная, что у них могут отнять их жизнь, но не смерть.

— Но когда-то у них можно было отнять все: благополучие, радость, честь. Их, кажется, называли тогда униженными и оскорбленными? Нар посмотрел на Субмолекулятора.

Но теперь на него глядел уже совсем другой человек, величественный и строгий, похожий на командира сверхкосмолета или на строителя буев в межзвездных вакуумах. Корреспондент был удовлетворен. Лодий без улыбки больше соответствовал его представлению о том, каким должен быть современный гений.

— Эта надпись,— сказал Великий Субмолекулятор,— много лет дразнила меня и старалась опровергнуть мою идею более остроумно и лаконично, чем все мои многословные противники.

— Расскажите о вашей идее. О противниках не надо. Они первыми побежали на субмолекулярные пункты, спеша расстаться навсегда со своей смертью, а заодно и со своими убеждениями.

— Не все. Вы преувеличиваете. Но зачем рассказывать мне вам о моей идее?

— Как зачем! Читатели «Квантовой зари» хотят знать.

— Но они же знают о моей идее, пожалуй, больше, чем я сам. Они и вы тоже, Нар. Я не совсем понимаю, зачем, собственно, вы пришли сюда?

— Узнать о бессмертии.

— Но вы-то сами, в конце концов, бессмертны или нет?

— Кажется,— сказал Нар, покраснев. В его голосе прозвучала нотка явной неуверенности.

— Что значит «кажется»? Это слово меньше всего подходит, когда речь идет об абсолютном. По-видимому, вы оговорились.

— И да, и нет. Ведь прошло всего три недели, как я подвергся бессмертизации. Я еще не вполне освоился с новым состоянием своего организма. Привыкаю.

— А сколько времени вам понадобится, чтобы привыкнуть?

— Годков сто или двести. Не знаю. Во всяком случае, не три недели.

— А почему вы так медлили с субмолекуляризацией?— Голос Главного Субмолекулятора стал металлическим и отчужденным.

— Я ведь журналист. У меня не было свободного времени. Я должен был описывать это великое событие, беседовать с людьми, перешагнувшими через порог временного и природного и приобщившихся к бесконечности.

На лице Субмолекулятора появилась брезгливая гримаса.

— Ради всего святого, только без метафизических выспренностей. Бесконечность! Зачем эти громкие и пустые слова, когда речь идет о земном и обыденном?

— Вы считаете субмолекуляризацию обыденным явлением?— В голосе Нара опять появилась нотка неуверенности, непонимания, опасения, что его высмеивают.

— А чем же вы мне рекомендуете ее считать? Чудом? Запомните, дорогой. Чудо — это явление единичное, исключительное. Оно похоже на эксперимент, удавшийся только самому экспериментатору, и всего один раз. Оно не поддается проверке. Чудо не может иметь массового характера. Запомнили? А теперь скажите, сколько людей, по вашим данным, подверглось субмолекуляризации?

— Двадцать три миллиарда. Все население планеты, включая зону Луны, Марса и больших космических станций.

— Ну, положим, не все население. Не следует так округлять. Не обошлось и без исключений, нашлись люди, которые не пожелали.

Журналист вскочил, протестуя.

— Мне неизвестны такие факты, не хочется верить. Неужели нашлись люди...

— Не торопитесь осуждать их, Нар. Я тоже принадлежу к их числу.

Лицо журналиста покрылось крупными каплями пота. Ему стало холодно. Ему всегда становилось холодно, когда он был очень возбужден. Он достал из кармана портативного робота, записывающую машинку, вбирающую в себя мысли, эмоции, звуки, все, что можно вобрать и отразить, воспроизвести.

— И об этом я могу поведать читателям «Квантовой зари»?

— Разумеется, можете, Нар. Но я не советую. Все станут сомневаться. А исправить уже поздно.

— Абсолютно поздно?

— Абсолютно, Нар.

2

В мире остался всего один смертный. Это был сам изобретатель бессмертия академик Лодий.

Журналист Олег Нар не решился опубликовать то, что он узнал от Лодия. Что удержало его и помешало выполнить профессиональный долг? Он и сам не смог ответить на этот вопрос, хотя и считал себя знатоком людей и глубоким психологом. Его ум столкнулся с загадкой.

Он снова и снова добивался свидания с Лодием. Но тот отказывал. Разговор их на расстоянии по аппарату, сливавшему звук с образом, неожиданно оборвался.

— Так вы пошутили? — спросил Нар.

— А вам бы чего больше хотелось,— ответил Главный Субмолекулятор,— истины или шутки?

Нар сам не знал, чего он больше хотел. Он услышал смех Лодия, а затем смеющееся лицо Молекулятора исчезло с экрана.

Олег Нар остался наедине с тайной. И это мешало ему жить, наслаждаться безбрежностью предоставленного ему наукой и обстоятельствами времени. По характеру он был суетлив, всегда боялся опоздать и приходил заранее, сердясь на себя и на свою торопливость. Еще недавно эта торопливость была связана не только со свойством его суетливого и чересчур нервного характера, но и с полуосознанным чувством, что спешить следует хотя бы потому,

что жизнь временна и скоротечна. Теперь Олег Нар отлично знал, что не подчинен времени, и все-таки не мог избавиться от суеты и спешки. Беспокойное чувство торопило его, и свою безвременность он осознавал только умом. Нет, он не ощущал себя бессмертным, наоборот, ему по-прежнему казалось, что время его утекает, спешит, и, как прежде, он нервно посматривал на часы.

Часы — вот предмет, который в продолжение многих столетий человечество слишком ценило, радуясь им, вместо того чтобы печалиться.

В тот день и час, когда Нар вышел из районного пункта субмолекуляризации, он тоже взглянул на часы, подчиняясь силе привычного. Сознание, что он больше не подвластен времени, хмелило его, как вино. Он снял с руки изящные часики, произведение усовершенствованной часовой промышленности, и бросил их на пол. От сильного удара часики разбились. Две стрелки лежали отдельно и неподвижно, словно время уже не нуждалось в измерении.

Но вскоре свободное и хмелящее чувство прошло. Суетливый Нар вспомнил, что он опаздывает в редакцию. Он представил себе недовольное лицо редактора и его насмешливые слова:

— Ну и что из того, что вы бессмертны? Это вовсе не освобождает вас от обязанностей и не дает права опаздывать. Взгляните, не отстают ли ваши часы?

— Я их выбросил.

— Выбросили часы? От вас этого следовало ожидать. Таких людей, как вы, к субмолекулярным пунктам и на пушечный выстрел допускать не следует.

Редактор любил громкие и выспренние выражения, уже вышедшие из употребления.

Нар спешил в редакцию. Мысленно он подыскивал себе оправдание в том, что его интервью с Главным Субмолекулятором оказалось бесцветным. Но разве он, Олег Нар, был в этом виноват? Общечеловеческие интересы бесконечно выше интересов личных. Он должен хранить в тайне признание Лодия!

Вечером, после беседы с редактором, Нар снова связался с Главным Субмолекулятором.

— Что вы хотите от меня? — спросил ученый.

— Я хочу узнать, почему вы предпочли остаться смертным?

— Дорогой, не задавайте глупых вопросов. Предпочел?

У меня просто не было времени пойти на пункт субмолекуляризации. Не было и нет. Можете вы это понять?

— Могу,— ответил Олег Нар словно не своим, а занятым у редактора голосом.

3

Первый, кто высказал эту идею, был Николай Федорович Федоров, русский ученый и мыслитель, живший во второй половине XIX века.

Лев Толстой и Достоевский считали его образованнейшим и гениальнейшим из своих современников. У него брал первые уроки понимания космоса и Земли юный Циолковский.

Книга Федорова пробудила в Лодии страстное и неукротимое желание осуществить дерзновенную идею.

Николай Федорович Федоров писал свою удивительную и во многом загадочную книгу в эпоху, когда человечество не только мало знало о космосе, но еще не умело оторваться от Земли. Мысль скромного библиографа Румянцевской библиотеки, опережая на столетие свое время, рвалась вперед, в будущее, ища главное решение проблем, связанных с освоением безмерных пространств Вселенной.

Ничто так не препятствовало победе над пространством, как краткость человеческой жизни. Природа, столь «предусмотрительная» в приспособительной способности земных организмов, совершенно не «предвидела» то, казалось бы, очевидное обстоятельство, что человечеству рано или поздно придется выбраться из земной колыбели. Сильный и быстро прогрессирующий разум она одела в слишком бренные и непрочные биологические одежды. Больше рассчитывая на род и генотип, чем на индивид и сому, она поставила человечество перед проблемой, которую, казалось, не дано ему было решить. С «ошибкой» непредусмотрительной природы столкнулись все смелые и решительные космонавты, пытавшиеся выйти за пределы Солнечной системы. Им не хватало времени, не хватало жизни, даже замедленной анабиозом и околосветовой скоростью космических кораблей. Сколько дерзких исследователей не

вернулось домой только из-за того, что слишком большое расстояние отделяло их биологические возможности от их цели. Их вечно подстерегал коварный цейтнот.

Читая Федорова, юный Лодий испытывал ни с чем не сравнимое чувство тоски по невозможному. Сама бесконечность распростерлась на страницах загадочной книги, бесконечность, казалось, способная поддаться и уступить перед усилием гениального разума.

И все-таки это только казалось. Идея Федорова была только мечтой и вряд ли осуществимой.

Возвращаясь из книгохранилища домой в Большой Студенческий городок, Лодий смотрел на окружающий мир другими глазами. Даже Солнце рано или поздно должно было потухнуть,но человеку кем-то, жившим в старинной купеческой Москве, было обещано нечто более продолжительное, чем жизнь звезд и планет. Не слишком ли высокого мнения был московский библиограф о силе человеческого разума и возможностях науки?

Лодий был очень горяч, страстен и смел, чтобы испугаться мнения людей без воображения. Окончив факультет космической биологии, он опубликовал восторженную статью о Федорове и идее бессмертия, которую должна осуществить молодая наука — субмолекулярная биология.

Удивительно, что орган строгой науки, журнал, редактируемый крупнейшими биологами Солнечной системы, решил опубликовать эту статью. Лодию стало известно, что статья была принята после ожесточенной дискуссии большинством всего в два голоса и что сразу после голосования один из членов редколлегии Аркадий Мамар в знак протеста отказался сотрудничать в журнале.

Это он потревожил Лодия в ночной час, когда тот уже был в постели. Взглянув на экран, Лодий увидел насмешливое лицо Мамара.

— Русские мальчики,— сказал Мамар, словно дразня Лодия,— русские мальчики!

— Какие мальчики? — спросил Лодий.

— Те русские мальчики, о которых еще писал Достоевский.

— При чем тут мальчики? Федоров был глубокий старик.

— Он был седоволосым мальчиком преклонного возраста. И, как все русские мальчики, готовый к поискам абсолюта.

— Это делает ему честь.

— Ему — возможно. Но не вам, Лодий. Еще Гёте в своем «Фаусте» осудил эту мальчишескую идею.

— Вы не поняли «Фауста», вчитайтесь.

— Зато я понял вас. И вашего седовласого мальчика. Мальчики — старые враги логики.

— Мне наплевать на вашу логику.

— Ну, что ж,— ответил Мамар,— тогда нам не о чем говорить. Я отключаюсь от вас. Люди не нуждаются в бессмертии. Оставьте, голубчик, мне мою смерть. Слышите? Оставьте!

Лодий напомнил Мамару эти его слова через много лет, когда тот явился на пункт бессмертизации. Мамар оказался там среди первых, выражая крайнюю степень нетерпения. От сильного волнения у него тряслась щека.

— Эх, Мамар, Мамар,— сказал Лодий,— где же вы оставили свои принципы?

— Бросьте,— погрозил пальцем Мамар.— Оставьте эти свои штучки русским мальчикам. Я уже не мальчик!

— Вы старец, жалкий старец. Не волнуйтесь, никто не заменит вашу смерть своей.

— Бросьте эти штучки. Фауст тоже был не мальчик!

4

Жена Лодия Ольга Нсу спрашивала его чуть не каждый день:

— Главный Субмолекулятор, когда же ты пойдешь на пункт? Или тебе так дорога твоя смерть?

Когда она обижалась, она всегда называла его Субмолекулятором. Это еще можно было ей простить. Но Лодия раздражал ее нынешний тон, та легкомысленная интонация, с которой она произносила слово «смерть». Лодий, один из самых талантливых людей Солнечной системы, забывал о простых вещах. Ольга Нсу, как и миллиарды других людей, уже была по ту сторону смерти, а Великий Субмолекулятор — по эту. Он был смертный и поэтому уважал смерть.

— Когда же ты пойдешь на субмолекулярный пункт? — допытывалась Ольга Нсу.

— Завтра,— отвечал Лодий.

— Я слышу это каждый день. Отчего же завтра, а не сегодня?

— Но, дорогая, почему это тебя так беспокоит? Я еще не стар и здоров. У меня просто нет времени, чтобы тратить его на свою особу. Я продолжаю исследования. Ведь для всех, кроме меня, проблема бессмертия потеряла всякую актуальность. Признаюсь только тебе одной, я боюсь тоже потерять к ней интерес и поэтому откладываю...

Ольга Нсу рассмеялась. Но выражение ее лица не изменилось, не стало менее тревожным и озабоченным. Судьба мужа беспокоила ее. В этом прочном, почти абсолютном человеческом мире он один не обладал никакой прочностью. Он был, как все биологические существа — индивиды на Земле, от слона до бабочки, кроме человека, кратковременен, относителен, почти эфемерен.

Невеселые мысли Ольги Нсу прервал тихий гудок отражателя. Она взглянула на экран. Оттуда глядело на нее незнакомое лицо. Густой низкий голос, однако же полный странной неуверенности и замешательства, произнес:

— Вы Ольга Нсу. А я, кажется, Олег Нар, корреспондент «Квантовой зари».

Ольга Нсу рассмеялась:

— Нар вы или не Нар?

— Кажется, все-таки Нар.

— Вы хотите меня в этом убедить или просите, чтобы я вас в этом убедила?

— Нет. Впрочем, да. И нет.

— Вам не хватает только уверенности или еще чего-то?

— Для моей уверенности недостает самого главного. Ведь я, так же как и вы, абсолютен, бессмертен. Но вечное во мне еще не слилось с временным. Мой характер не изменился. И чувства тоже остались прежними.

— Я уже оценила вашу откровенность. Но ваш звонок ко мне вызван, вероятно, не только желанием поделиться своим самочувствием и настроением.

— Я хотел узнать,— сказал Нар,— почему ваш знаменитый муж откладывает свою субмолекуляризацию?

— Это известно вам одному,— спросила Ольга Нсу с тревогой,— или это уже знают многие?

— Пока мне одному. Но стоит нам опубликовать короткую заметку, и будет знать вся Солнечная система.

— Я уже догадываюсь.

— О чем?

— Вам очень хочется порадовать Солнечную систему своим сенсационным сообщением.

— Если бы мне этого хотелось, я давно бы это сделал.

— Что же вас удерживает?

— Я хочу понять вашего гениального мужа. Мысль о том, что среди нас, абсолютных, вырванных из цепких объятий времени, есть один смертный, не дает мне покоя.

— Вы тревожитесь о нем? — спросила Нсу.— Боитесь, как бы он не умер случайной смертью?

— Я тревожусь не о нем, а о себе и обо всех, в том числе и о вас. Что это значит? Не поспешили ли мы? Не сделали ли мы роковую, неисправимую ошибку?

— Вас интересует философский аспект проблемы? Не так ли? Так почему же вы обращаетесь не к философам, а ко мне?

— Меня интересует человеческий аспект проблемы. Только человеческий. И поэтому я обращаюсь к вам. Жена академика Лодия должна знать истинные мотивы поведения мужа.

— А если не знает?

— Исходя из логики, должна.

— Ему некогда. Он занят. Вот и вся причина.

— Вы уверены в этом?

— О, если бы я была в этом уверена!

До напряженного слуха Олега Нара донеслись всхлипывания. Затем экран отражателя покрылся пеленой отчуждения. Нсу отключила себя от свидетеля своей нечаянной слабости.

5

— Я почти бог,— сказал Нар своей жене, ложась спать.— Почеши, пожалуйста, мне спину.

— У бога не должна чесаться спина. Богу не мешало бы принять ванну.

— По-твоему, у бога не должно быть никаких желаний?

— Оставь, Олег. Это мне надоело. Ты воображаешь, что стал Аристотелем или Спинозой от того, что сходил на

пункт субмолекуляризации? Не забывай, что там побывало несколько миллиардов. Но никто, кроме тебя, не вообразил себя богом.

— У них не хватает воображения. Так же, как и у тебя.

— Откуда ты это знаешь?

— Ты думаешь, все изменилось с тех пор, как открылись субмолекуляризационные пункты?

— Я ничего не думаю, Олег. Я устала. Я устала от тебя за эти три недели. С тоской я думаю о том, что прошло всего двадцать дней, а впереди еще целая вечность.

— Разве тебя это не радует?

— Радует. Но меня бы это радовало еще больше, если бы ты не воображал себя богом.

— А кто же я, если не бог? Кто? Человек, в чьем распоряжении вечность, вправе так о себе думать.

— Сколько я тебя знаю, ты всегда был слишком высокого мнения о себе. Можно подумать, что ты предвидел субмолекулярные пункты и абсолютную власть над временем.

— Обойми меня. И поговорим о чем-нибудь временном и мимолетном.

— О чем, Олег?

— Ну, хотя бы о нашей любви.

— Разве она кончилась от того, что мы стали бессмертны?

— Не знаю. Я бог, я вечное существо. Но я еще мало знаю о вечности.

— Олег, перестань называть себя богом. Мне стыдно за тебя.

— Лучше обойми меня. Мне нужно встать рано и написать статью.

— О чем?

— О любви... Редактор утверждает, что читатели хотят знать, какой станет любовь теперь, когда в распоряжении любящих целая вечность.

— Почему он поручил это тебе?

— А я знаю? Он сказал: «У вас есть воображение, Нар. Вам придется заглянуть в будущее. А на это не все способны». Его слова польстили моему самолюбию.

— И что же ты напишешь?

— Еще не знаю. Мне нужно выспаться и набраться сил. Почеши, пожалуйста, мне спину. Когда ты чешешь, мне

кажется, что все осталось прежним, как было до этих пунктов. Забыл их название.

— Субмолекулярных, Нар.

— Мне хочется забыть это слово. А тебе? Я все смотрю на тебя и ловлю себя на опасной мысли, что ты не изменилась. Может ли это быть?

— Может, Олег. Все может быть. Это сказала мне одна старуха, не пожелавшая пойти на пункт.

— И она так и не пошла?

— Нет. Это ведь дело добровольное. Она осталась дома и до сих пор не может решить — стоит или не стоит?

— Где она живет? Ты знаешь ее адрес?

— Его можно узнать. А что?

— Я хочу помочь ей сделать выбор. Свой я уже сделал. Но мне хочется еще раз пережить этот миг, миг сомнения. Разбуди меня пораньше.

6

Ольга Нсу, молодая и энергичная, не любила тратить драгоценное время на встречу с утраченным. Она не любила вспоминать. Ее жизнь была наполнена настоящим, всем тем, что приносил огромный мир. Зачем оглядываться на прошлое? Но с тех пор, как она стала вечной, ее начали томить и услаждать воспоминания, как восьмидесятилетнюю старуху. Она не могла отдать себе отчет, почему это происходило. Ведь впереди были тысячелетия, подаренные ей наукой. И тем не менее она не могла избавиться от воспоминаний. Прошлое, состоящее из мимолетных минут и мгновений, словно дразнило ее.

Ей являлось то ее детство, то юность. Она мысленно видела ту местность, в которой жила вместе с матерью, отцом и сестрой. Там было множество рек, речек и озер. И когда она садилась в маленький детский вездеход, она говорила автоматическому водителю:

— Тин, остановись в том месте, где пасутся пятнистые олени. Я хочу взглянуть на них.

— А я не хочу, — отвечал своенравный робот. — Терпеть не могу пятнистых оленей.

— Ну, Тиник. Я тебя прошу. Ты такой добрый.

— Не льсти мне,— отвечал автомат.— Я ипохондрик. Не нужно лакировать действительность. И кроме того, мы можем опоздать в школу.

— Ипохондрик? Что это такое? Очень красивое слово.

— Все слова красивы, когда они не льстят.

— Ну, Тин! Ну, ради твоих родных.

— У меня нет и не было родственников. Ну, так и быть, я остановлюсь.

Плыли ленивые облака. И вода в ручьях звенела. Грохотал водопад. На ветке сидела синяя белка. Мгновения тоже плыли, как облака.

— Тин! Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— Сказка — ложь. А я люблю истину. О чем же твоя сказка?

— О тебе, Тин. И обо мне. И об этих облаках, которые плывут над лесом.

— Ну, пора. Собирайся! Не то мы опоздаем в школу.

Как далеко детство! Ольга Нсу недавно летала в тот край. На месте были ручьи, речки, озера, леса и даже облака. Паслись пятнистые олени там же, где бродили раньше, возле скал, пахнущих лиственничными ветвями и смолой. Но чего-то не хватало там, Ольга не могла понять — чего? Чего-то такого, что было и исчезло.

Свой детский вездеход она нашла в сарае, там же обнаружила и Тина-водителя, погруженного в вечное молчание.

Милый Тин, чудесный ипохондрик, сколько раз мы опаздывали с тобой в школу, заглядевшись на лесную синеву, на плывущие облака или на стройные ноги оленьей важенки!

Воспоминания несли Нсу дальше, сквозь детство в юность. С Лодием они познакомились на площади большого города возле памятника Уотсону и Крику. Нсу с удивлением смотрела на памятник. Вместо двух фигур там, на пьедестале, застыло три.

— Кто же третий с бородой? — спросила Ольга Нсу высокого человека, стоявшего рядом.

— Чарльз Дарвин,— ответил он.

— А при чем тут Дарвин?

— Дарвин совершил самое крупное биологическое от-

крытие в XIX веке, а Уотсон и Крик в XX. Они в интеллектуальном родстве.

— Я проходила это в школе,— сказала Нсу.

— Но почему же вы не узнали Дарвина?

Нсу смутилась. Уж очень строгое лицо было у этого молодого человека, типичное лицо экзаменатора.

— Кто вы? — спросила Ольга Нсу.

— Пока никто. Аспирант. Специализируюсь на субмолекулярной биологии.

— Пока. Ну, а потом?

— Вы хотите заглянуть в мое будущее? Не нужно. Если мне удастся реализовать одну идею, будущее навечно сольется с настоящим.

— Что вы хотите сказать?

— Когда-нибудь мне удастся отнять у людей страх смерти.

— Ведь не все ее боятся.

— Но почти все ее не хотят!

— Я не понимаю.

— Сейчас объясню. Если мне удастся то, что я задумал, вы будете жить почти вечно.

Нсу рассмеялась.

— Благодарю вас за остроумную шутку. Но ваши слова мне понравились больше, чем ваша мысль. Слово «почти» нельзя ставить рядом со словом «вечность».

— Другим нельзя. А мне можно,— сказал молодой человек.

— Да, я вижу, вы себе разрешили все, даже говорить нелепости.

И они пошли вместе по улицам, еще не придавая большого значения этой встрече.

В языке еще существовало доживающее свой век слово «судьба». Оно возникло еще в те наивные времена, когда человек ставил себя в центре мира и воображал, что вся Вселенная занята только им. Но если не судьба, то случай. Памятник двум биофизикам, открывшим информационные и наследственные свойства нуклеиновых кислот, был той точкой, в которой пересеклись жизни Нсу и принципиального противника смерти.

Воспоминания несли, несли Нсу дальше. То, что она приняла за шутку, оказалось истиной. Лодий действительно работал над решением проблемы, которая всем представлялась неразрешимой.

— Чем занимается ваш муж? — спрашивали знакомые Ольгу Нсу.

— Поисками абсолюта.

— Кажется, так называется повесть Оноре Бальзака?

— Да, Бальзак этими словами осудил своего героя.

— Героя легче осудить, чем мужа,— отвечали знакомые.

— Прежде, чем его, мне бы пришлось осудить самое себя. Я работаю в его лаборатории.

Изучение клетки в свое время вели десятки тысяч ученых. Цитология стала самой актуальной наукой еще сто лет назад, когда специалисты поняли, что сложность и загадочность клетки может привести в отчаянье самый мудрый, терпеливый и оптимистически настроенный ум. Постепенно клетка поддалась и перестала быть загадкой. От клеточного уровня ученые перешли к субмолекулярному и молекулярному уровню изучения живого. И только тогда ученые воочию увидели принципиальную разницу между физикой и биологией.

Физика — это наука о вероятностях. Биология — наука о невероятном. Это сказал еще знаменитый биохимик XX века Альберт Сент-Дьерди. Он же сказал, что в живом организме становятся возможны реакции, которые кажутся физику невозможными и невероятными. Когда была вскрыта гробница Тутанхамона, оказалось, что за 3000 лет его завтрак не окислился. Такова физическая вероятность. Но если бы фараон воскрес и сам съел свой завтрак, то завтрак сгорел бы очень быстро. Такова была биохимическая вероятность. Сам фараон представлял собой очень сложную и высокоорганизованную структуру ядер и электронов, статистическая вероятность которой близка к нулю.

Лодий развивал идеи Сент-Дьерди, глубоко оценив его мысль о статистической парадоксальности живого организма.

Природа и эволюция дали почти бессмертие роду и виду, ограничив индивид. Но в человеческом обществе индивид стал высокоинтеллектуальной личностью, которой трудно было примириться с биологическими границами своего бытия. Над каждым висел цейтнот. Каждому действительность напоминала о сроках. Но тут как бы раскрылись

две действительности. Одна, физическая действительность, состояла как бы из действительного и возможного, утверждая закон вероятностей. Другая действительность, биологическая, состояла из действительного и парадоксального, казалось бы, невозможного.

Еще в конце XX века биологи столкнулись с противоречием в развитии науки о живом. С одной стороны, огромные успехи в раскрытии тайн генотипа, наследственности, всего, что связано с эволюцией рода и вида, с другой — полная неудача в раскрытии загадки развития фенотипа, индивида, того, как осуществляется заданное в наследственности и «записанное» самой природой в нуклеиновых кислотах. Ученые бились над вопросом: как оплодотворенная яйцеклетка, бесформенный комочек протоплазмы, может превратиться в человека? Как одна простая клетка может превратиться в великое множество специализированных клеток, составляющих организм человека?

И только в XXI веке ученые подошли к разрешению этой сложнейшей из проблем. Молекулярный и субмолекулярный уровень изучения малого и отдельного, объединенный с пониманием целостного организма, помогли ученым разгадать загадку осуществления заданного наследственностью и хранящегося в устойчивости нуклеиновых кислот. Вот тогда-то Лодий пришел к дерзкой, поистине федоровской идее соединить родовое с индивидуальным, сделать индивид таким же бессмертным, как род.

7

— Нсу,— спросил Лодий,— что ты так смотришь на меня, словно мы на космическом вокзале? Я же не улетаю за пределы Солнечной системы. Я всего-навсего только лечу в институт. Двадцать минут пути...

— Двадцать пять, Лодий.

— Ну, двадцать пять. Это же не вечность.

Нсу пыталась примириться с временностью мужа. Иногда она думала, что он ее обманывает. Разумеется, он в тайне от нее побывал на субмолекулярном пункте, но хочет,

чтобы она беспокоилась о нем. Ведь слишком спокойная бестревожная любовь близка к равнодушию. Он хочет, чтобы она его любила и беспокоилась о нем. Ах, эти мужчины!

Лодий поднял руку и помахал ладонью. Затем он исчез.

Он был близко, близко и вместе с тем далеко. Двадцать пять минут пути. День в институте, и к вечеру он снова будет здесь, рядом со своей Нсу. Работа не отпускала его. Ольга взяла отпуск, чтобы отдохнуть в Заповедных лесах, где тропы никуда не ведут и люди забывают о деле. Он тоже собирался полететь вместе с ней, но тут возникли проблемы. Перед ним всегда возникали проблемы. Одну из этих проблем он решил, проблему жизни без смерти. Ну и что из того? Разве от этого изменилась сущность науки и научного развития — беспрестанные поиски? Разумеется, нет.

— Нсу, моя Нсу,— говорил он,— мы еще так мало знаем о живом.

— Даже теперь, когда победили смерть?

— Иногда мне кажется, что теперь мы знаем еще меньше. Особенно о человеке. Нсу, что я знаю о тебе?

— Все. Мои привычки, мой характер.

— Твой характер изменился. И ты, кажется, меньше стала меня любить.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ты, Нсу, уже другой человек. Ты смотришь на меня с высоты своей вечности. Как на временное существо. Что между нами общего? Ты переживешь Землю и увидишь, как будет тухнуть Солнце, а я исчезну через десять или двадцать лет.

— Но зачем же ты послал меня на субмолекулярный пункт?

— Я не мог сделать исключение для жены.

— Почему же ты сделал его для себя?

— Боялся.

— Чего?

— До сих пор не могу дать себе в этом отчет. Я боялся себя. Мой характер не приспособлен для вечности. И кроме того, я опасаюсь, что люди обвинят меня, когда поймут, что они потеряли...

— А что они потеряли?

— Приобретая, всегда что-то теряешь. Они потеряли единство с природой. Но они вышли из подчинения ее главному закону, они победили энтропию. Приобретение намного выше утрат.

— Ты противоречишь себе. Тебе изменила твоя безупречная логика... И кроме того, ты дезертир. Ты не захотел быть великаном. Я знаю, ты всегда ценил в людях слабость. Но зачем же ты реализовал свою идею, отдав ей столько сил?

— Не знаю. Слабость победила меня. Может, это временно. И мне удастся себя пересилить.

8

Редактор вызвал к себе в кабинет репортера Олега Нара.

— Ну? — сказал он.

Олегу Нару стало не по себе. В редакции всем было известно, не исключая автоматической курьерши, что слово «ну» не сулит ничего хорошего.

— Ну? — повторил редактор.

Олег Нар молчал.

— Я поручил вам написать заметку, предварительно поговорив с субмолекулярным биологом Лодием, а вы принесли мне фантастический рассказ. Для чего?

— Я хотел заглянуть в будущее.

— Почему?

— Потому что Лодий только приступил к работе и еще ничего не сделал. Он заявил, что проблему можно решить не раньше, чем через пятнадцать-двадцать лет.

— Ну, вот и написали бы об этом. Самая скучная и пресная истина ценнее красивой неправды.

— Вам не понравился мой рассказ? — спросил Нар.

— Какое мне дело до вашего рассказа. Мне не понравился ваш поступок. Что, если все репортеры вместо кратких заметок будут приносить длинные и причудливые рассказы. Уж не вообразили ли вы себя философом?

— Нет. Пока еще не вообразил. Я не философ, я писатель.

— Ну? — сказал редактор и посмотрел на репортера глазами холодными и абсолютными, как вечность.— Да, кстати, как зовут вашу героиню!

— Ольга Нсу.

— Послушайте, зачем вам понадобилось такое странное имя? Не могли бы вы его переменить на что-нибудь более естественное, близкое к жизни? Что значит Нсу? Не имя, а пустой звук! Я уже не говорю о том, что не следовало выставлять напоказ самого себя и свою спину! Это нескромно, Нар. И нескромно выступать против идеи Лодия. Вы же репортер, а не философ.

Илья Варшавский

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИЗЫОКАНИЯ

Рассказ

— Послушайте, Ронг. Я не могу пожаловаться на отсутствие выдержки, но, честное слово, у меня иногда появляется желание стукнуть вас чем-нибудь тяжелым по башке.

Дани Ронг пожал плечами.

— Не думайте, что мне самому вся эта история доставляет удовольствие, но я ничего не могу поделать. Если контрольная серия опытов...

— А какого черта вам понадобилось ставить эту контрольную серию?!

— Вы же знаете, что методика, которой мы пользовались вначале...

— Не будьте болваном, Ронг!

Торп Кирби поднялся со стула и зашагал по комнате.

— Неужели вы так ничего и не поняли? — Сейчас в голосе Кирби был сладчайший мед. Ему всегда хорошо удавались эти театральные переходы от начальственного окрика к проникновенному дружескому разговору.— Ваша работа носит сугубо теоретический характер. Никто, во всяком случае, в течение ближайших лет никаких практических выводов из нее делать не будет. У вас вполне хватит

времени, ну, скажем, через два года отдельно опубликовать результаты контрольной серии и, так сказать, уточнить теорию.

— Не уточнить, а опровергнуть.

— О, господи! Ну, хорошо, опровергнуть, но только не сейчас. Ведь после той шумихи, которую мы подняли...

— Мы?

— Ну, пусть я. Но поймите, наконец, что кроме вашего дурацкого самолюбия, есть еще интересы фирмы.

— Это не самолюбие.

— А что?

— Честность.

— Честность! — фыркнул Кирби.— Поверьте моему опыту. Вы, вероятно, слышали о препарате «тервалсан». Так известно ли вам...

Ронг закрыл глаза, приготовившись выслушать одну из сногсшибательных историй, в которой находчивость Торпа Кирби, его умение разбивать козни врагов, его эрудиция и ум должны были служить примером стаду овец, опекаемому все тем же Торпом Кирби.

«Откуда этот апломб? — думал Ронг, прислушиваясь к рокочущему баритону шефа.— Ведь он ни черта ни в чем не смыслит. Краснобай и пустомеля!»

— ...Надеюсь, я вас убедил?

— Безусловно. И если вы рискнете опубликовать результаты работ без контрольной серии, я всегда найду способ...

— Ох, как мне хочется сказать вам несколько теплых слов! Но что толку, если вы даже не обижаетесь?! Первый раз вижу такую толстокожую...

— Вас удивляет, почему я не реагирую на ваши грубости?

— Ну?

— Видите ли, Кирби,— тихо сказал Ронг,— часто каждый из нас руководствуется в своих поступках каким-то примером. Мое отношение к вам во многом определяется случаем, который мне довелось наблюдать в детстве. Это было в зоологическом саду. У клетки с обезьянами стоял старый человек и кидал через прутья конфеты. Вероятно, он делал это с самыми лучшими намерениями. Но когда запас конфет в его карманах кончился, обезьяны пришли в ярость. Они сгрудились у решетки, и старик не успел опомниться, как был оплеван с ног до головы.

— Ну, и что из этого следует?

— Он рассмеялся и пошел прочь. Вот тогда я понял, что настоящий человек не может обидеться на оплевавшую его обезьяну.

— Отличная история! — усмехнулся Кирби.— Мне в ней больше всего понравилось, что он все-таки ушел оплеванный. Пример поучительный. Смотрите, Ронг, как бы...

— Все понятно, Кирби. Теперь скажите, сколько еще времени вы сможете терпеть мое присутствие. Дело в том, что мне хочется закончить последнюю серию опытов, а для этого потребуется, по меньшей мере...

— О, не будем мелочны! Я не тороплюсь и готов ждать хоть до завтрашнего утра.

— Ясно.

— Послушайте, Дан,— в голосе Кирби вновь появились задушевные нотки,— не думайте только, ради бога, что это результат какой-то личной неприязни. Я вас очень высоко ценю, как ученого, но вы сами понимаете...

— Понимаю.

— Я знаю, как трудно сейчас в Дономаге биохимику найти приличную работу. Вот — телефон и адрес. Они прекрасно платят, и работа, кажется, вполне самостоятельная. С нашей стороны можете рассчитывать на самые лучшие рекомендации.

— Еще бы.

— Кстати, надеюсь, вы не забыли, что при поступлении сюда вы дали подписку о неразглашении работ?

— Нет, не забыл.

— Отлично! Желаю успеха! Если у вас появится желание как-нибудь зайти ко мне домой вечерком, поболтать просто так, по-дружески, буду очень рад.

— Спасибо. Зайду, если появится желание.

— Доктор Ронг?

— Да.

— Господин Латиани вас ждет. Сейчас я ему доложу.

Ронг оглядел приемную. Ничего не скажешь, дело, видно, поставлено на широкую ногу. Во всяком случае, денег на обстановку не жалеют. Видно...

— Пожалуйста!

Ступая по мягкому пушистому ковру, он прошел в предупредительно распахнутую дверь. Навстречу ему поднялся из-за стола высокий лысый человек с матово-бледным лицом.

— Очень приятно, доктор Ронг! Садитесь, пожалуйста.

Ронг сел.

— Итак, если я правильно понял доктора Кирби, вы не возражали бы против перехода на работу к нам?

— Вы правильно поняли доктора Кирби, но вначале я хотел бы выяснить характер работы.

— Разумеется. Если вы ничего не имеете против, мы об этом поговорим немного позже, а пока я позволю себе задать вам несколько вопросов.

— Слушаю.

— Ваша работа у доктора Кирби. Не вызван ли ваш уход тем, что результаты вашей деятельности не оправдали первоначальных надежд?

— Да, это так.

— Не была ли сама идея...

Ронг поморщился.

— Простите, но я связан подпиской, и мне бы не хотелось...

— Помилуй бог! Меня вовсе не интересуют секреты фирмы. Я просто хотел узнать, не была ли сама идея несколько преждевременной при нынешнем уровне науки... Ну, скажем, слегка фантастической?

— Первоначальные предположения не оправдались. Поэтому, если вам нравится, можете считать их фантастическими.

— Отлично! Второй вопрос: употребляете ли вы спиртные напитки?

«Странная манера знакомиться с будущими сотрудниками»,— подумал Ронг.

— Обета трезвости я не давал,— резко ответил он,— но на работе не пью. Пусть вас это не тревожит.

— Ни в коем случае, ни в коем случае! — казалось, Латиани был в восторге.— Ничто так не возбуждает воображение, как добрая порция коньяка. Пусть даже на работе. Поверьте, нас это совершенно не смущает. Может быть, наркотики?

— Извините,— сказал, поднимаясь, Ронг,— но думаю, что дальнейший разговор в этом тоне...

Латиани вскочил.

— Да что вы, дорогой доктор Ронг?! Я совершенно не имел в виду вас чем-нибудь обидеть. Просто ученые, работающие у нас над Проблемой, пользуются полной свободой в своих поступках, и мы не только не запрещаем им прибегать в служебное время к алкоголю и наркотикам, но даже поощряем...

— Что поощряете?

— Все, что способствует активизации воображения. Такова специфика нашего творческого метода.

Это было похоже на неуклюжую мистификацию.

— Послушайте, господин Латиани,— сказал Ронг,— может быть, вы вначале познакомите меня с сущностью Проблемы, а потом будет видно, стоит ли нам говорить о деталях.

Латиани усмехнулся.

— Я охотно сделал бы это, уважаемый доктор Ронг, но ни я, ни ученые, работающие над ней, не имеют ни малейшего понятия, в чем эта Проблема заключается.

— То есть, как это не имеют?

— Очень просто. Проблема зашифрована в программе машины. Вы выдаете идеи, машина их анализирует. Что непригодно — отбрасывается, что может быть впоследствии использовано — запоминается.

— Для чего это нужно?

— Видите ли, какого бы совершенства ни достигла машина, ей всегда будет не хватать основного — воображения. Поэтому там, где речь идет о поисках новых идей, машина беспомощна. Она не может выйти за пределы логики. В противном случае это будет галиматья.

— И вы хотите...

— ...использовать в машине человеческое воображение. Оно никогда не теряет своей ценности. Даже бред шизофреника слагается из вполне конкретных представлений, сколь бы фантастичным ни было их сочетание. Вы меня понимаете?

— Квант мысли,— усмехнулся Ронг.

— Совершенно верно!

— И таким способом вы хотите решить сложную биохимическую проблему?

— Я разве сказал, что она биохимическая?

— Простите, но в таком случае, зачем же?..

— ...мы пригласили вас?

— Вот именно.

— О, у нас работают ученые всех специальностей: физики, математики, физиологи, конструкторы, психиатры, кибернетики и даже один астролог.

— Тоже ученый?

— В своем роде, в своем роде.

Ронг в недоумении потер лоб.

— Все же я не понимаю, в чем будут состоять мои обязанности?

— Нужно приходить сюда к одиннадцати часам утра и находиться в своем кабинете четыре часа. Все это время вы должны думать,— неважно, о чем, лишь бы это имело какое-то отношение к вашей специальности. Чем смелее гипотезы, тем лучше.

— И это все?

— Все. Первое время вы будете получать три тысячи соле в месяц.

Ого! Это в три раза превышало оклад, который Ронг получал, работая в фирме.

— В дальнейшем ваша оплата будет автоматически повышаться в зависимости от количества идей, принятых машиной.

— Но ведь я экспериментатор.

— Великолепно! Вы можете ставить мысленные эксперименты.

— Откуда же я буду знать их результаты? Для этого нужны настоящие опыты.

— Это вам они нужны. Машина пользуется такими методами анализа, которые позволяют определить результат без проведения самого эксперимента.

— Но я хоть буду знать этот результат?

— Ни в коем случае. Машина не выдает никаких данных до полного окончания работы над Проблемой.

— И тогда?

— Не знаю. Это выходит за пределы моей компетенции. Вероятно, есть группа лиц, которая будет ознакомлена с результатами разработки Проблемы. Мне эти люди неизвестны.

Ронг задумался.

— Откровенно говоря, я в недоумении,— сказал он,— все это так необычно.

— Несомненно.

— И я сомневаюсь, чтобы из этого вообще что-нибудь вышло.

— Это уже не ваша забота, доктор Ронг. От вас требуются только идеи, повторяю, неважно какие, но достаточно смелые. Все остальное сделает машина. Помните, что, во-первых, вы не один, а во-вторых, сейчас ведутся только предварительные изыскания. Сама работа над Проблемой начнется несколько позже, когда будет накоплен достаточный материал.

— Последний вопрос,— спросил Ронг.— Могу ли я, находясь здесь, продолжать настоящую научную работу.

— Это нежелательно,— ответил, подумав, Латиани,— никакой систематической работы вы не должны делать. Одни предположения, так сказать, фрагменты. Впрочем, в дальнейшем вы сможете использовать их по своему усмотрению. Подписки с вас мы не берем.

— Ну, что ж,— вздохнул Ронг,— давайте попробуем, хотя я не знаю...

— Прекрасно! Пойдемте, я покажу ваш кабинет.

Гигантский спрут раскинул свои щупальца на площади в несколько сот квадратных метров. Розовая опалесцирующая жидкость пульсировала в прозрачных трубах, освещаемая светом мигающих ламп. Красные, фиолетовые, зеленые блики метались среди нагромождения причудливых аппаратов, вспыхивали на матовой поверхности экранов, тонули в хаотическом сплетении антенн и проводов.

Кибернетический Молох переваривал жертвоприношения своих подданных.

Латиани постучал кулаком по прозрачной стене, отгораживающей машинный зал:

— Крепче броневой стали. Неплохая защита от всяких случайностей, а?

Ронг молча кивнул головой, пораженный масштабами и фантастичностью этого сооружения.

По другую сторону были расположены многочисленные двери, обитые черной кожей. Латиани открыл одну из них.

— Вот ваш кабинет,— сказал он, укрепляя на двери картиночку с изображением ромашки.— Многие из наших сотрудников, по разным соображениям, не хотят афишировать свою работу у нас, да и мы в этом не заинтересованы. Придется вам ориентироваться по этой карточке. Вот—

ключ. Вход в чужие кабинеты категорически запрещен. Библиотека — в конце коридора. Итак, завтра в одиннадцать часов.

Ронг заглянул в дверь. Странная обстановка для научной работы. Небольшая комната, оклеенная розовыми обоями. Фонарь под потолком, украшенный изображениями драконов, освещает ее скупым светом. Окон нет. Вдоль стены — турецкий диван с множеством подушек. Над диваном укреплено непонятное сооружение, напоминающее формой корыто. Рядом — низкий столик, уставленный бутылками с яркими этикетками и коробочками с какими-то снадобьями. Даже письменного стола нет.

Латиани заметил недоумение Ронга.

— Не удивляйтесь, дорогой доктор. Скоро вы ко всему привыкнете. Это определяется спецификой нашей работы.

«...Думай, думай, думай! О чем думать? Все равно, о чем, только думай, тебе за это платят деньги. Выдвигай гипотезы, чем смелее, тем лучше. Ну, думай! Скотина Кирби! Если он посмеет опубликовать результаты без контрольной серии... не о том! Думай! О чем же думать? У, дьявол!»

Уже пять дней Ронг регулярно является на работу, и каждый раз повторяется одно и то же.

«Думай!»

Ему кажется, что даже под угрозой пытки он не способен выдавить из себя хоть какую-нибудь мыслишку.

«Думай!»

Махнув рукой, он встает с дивана и направляется в библиотеку.

На полках царит хаос. Книги по ядерной физике, биологии, математике валяются вперемешку с руководствами по хиромантии, описаниями телепатических опытов, пергаментными свитками на неизвестных Ронгу языках. На столе — большой фолиант в потертом переплете из свиной кожи: «Черная и белая магия».

«А, все равно, чем бессмысленнее, тем лучше!» — Сунув книгу под мышку, Ронг плетется в свой кабинет.

Лежа на диване, он лениво листает пожелтевшие страницы с кабалистическими знаками.

Занятно. Некоторые фигуры чем-то напоминают логические структурные обозначения.

«Кто знает, может быть, вся эта абракадабра есть попросту зашифровка каких-то логических понятий»,— мелькает у него мысль.

В сооружении над диваном раздается громкое чавканье. Вспыхивает и гаснет зеленый сигнал. Похоже, что машине понравилась эта мысль.

«Сожрала?! Ну, думай дальше. О чем думать? Все равно, только думай!»

Ронг швыряет в угол книгу, наливает из бутылки, стоящей на столике, стакан темной ароматной жидкости и залпом опорожняет его.

«Думай!»

— Интересуетесь, как наша коровка пережевывает жвачку?

Ронг обернулся. Рядом с ним стоял обрюзгший человек в помятом костюме, с лицом, покрытым жесткой седой щетиной. Резкий запах винного перегара вместе с сиплым астматическим дыханием вырывался изо рта.

— Да, действительно, похоже.

— Только подумать,— собеседник Ронга стукнул кулаком по прозрачной перегородке,— только подумать, что я отдал пятнадцать лет жизни на создание этой скотины!

— Вы ее конструировали? — спросил Ронг.

— Ну, не я один, но все же многое из того, что вы здесь видите, дело рук Яна Дорика.

Ронгу было знакомо это имя. Блестящий кибернетик, некогда один из самых популярных людей в Дономаге. Его работы всегда были окутаны дымкой таинственности. Генерал Дорик возглавлял во время войны «Мозговой трест», объединяющий ученых самых разнообразных специальностей. Однако вот уже пять лет о нем ничего не было слышно.

Ронг с любопытством на него посмотрел.

— Значит, это вы составитель программы? — спросил он.

— Программы! — Лицо Дорика покрылось красными пятнами.— Черта с два! Я тут такой же кролик, как и вы. Никто из работающих здесь не имеет ни малейшего пред-

ставления о Проблеме. Они слишком осторожны для этого.

— Кто они?

— Те, кто нас нанимает.

— Латиани?

— Латиани — пешка, подставное лицо. Даже он, вероятно, не знает истинных хозяев.

— Почему же все держится в таком секрете?

Дорик пожал плечами.

— Очевидно, такова Проблема.

— А вы что тут делаете? — спросил Ронг.

— С сегодняшнего дня — ничего. Меня уволили... за недостаток воображения. Слишком бедная фантазия.

Дорик снова ударил кулаком по перегородке.

— Видите? Вот он — паразит, питающийся соками нашего мозга. Бесстрастная самодовольная скотина! Еще бы! Что значат такие муравьи, как мы, по сравнению с этой пакостью, спрятанной за прозрачную броню?! Ведь она к тому же бессмертна!

— Ну, знаете ли,— сказал Ронг,— каждая машина тоже...

— Смотрите! — Дорик ткнул пальцем.— Вы видите этих черепашек?

Ронг взглянул, куда показывала протянутая рука. Среди путаницы ламп, конденсаторов и сопротивлений двигались два небольших аппарата, похожих на танки.

— Вижу.

— Все схемы машины дублированы. Если в одной из них вышел из строя какой-нибудь элемент, автоматически включается запасная схема. После этого та черепашка, которая находится ближе к месту аварии, снимает дефектную деталь и заменяет ее новой, хранящейся в запасных кладовых, разбросанных по всей машине. Не правда ли, здорово?

— Занятно.

— Это мое изобретение,— самодовольно сказал Дорик,— абсолютная надежность всей системы. Ну, прощайте! Вам ведь нельзя со мной разговаривать, узнает Латиани, не оберетесь неприятностей. Только знаете что,— он понизил голос до шепота,— мой вам совет: сматывайте поскорее удочки. Ничем хорошим это не кончится, поверьте моему опыту.

Дорик вытащил из кармана клетчатый платок, громко высморкался и, махнув на прощанье рукой, зашагал к выходу.

«Не думай о Дорике, не думай о Кирби, не думай о Латиани, думай только о научных проблемах. Чем смелее предположения, тем лучше, думай, думай, думай, думай. Не думай о Дорике...»

Ронг взглянул на часы. Слава богу! Рабочий день окончен, можно идти домой.

Он был уже на полпути к выходу, когда одна из дверей резко распахнулась и в коридор, спотыкаясь, вышла молодая женщина.

— Нода?!

— А, Дан! Оказывается, и вы здесь?

— Что вы тут делаете? — спросил Ронг.— Разве ваша работа в университете?..

— Длинная история, Дан. Ноды Сторн больше нет. Есть эта... как ее... хризантема... математик на службе у машины... краса и гордость Проблемы.— Она криво усмехнулась.

Только сейчас Ронг обратил внимание на мертвенную бледность ее лица и неестественно расширенные зрачки.

— Что с вами, Нода?

— Ерунда! Это героин. Слишком много героина за последнюю неделю. Зато что я им сегодня выдала! Фантасмагория в шестимерном пространстве. Ух, даже голова кружится! — Пошатнувшись, она схватила Ронга за плечо.

— Пойдемте,— сказал он, беря ее под руку.— Я отвезу вас домой. Ведь вы совершенно больны.

— Я не хочу домой. Там... Послушайте, Дан, у вас бывают галлюцинации?

— Пока еще нет.

— А у меня бывают. Наверное, от героина.

— Вам нужно немедленно лечь в постель!

— Я не хочу в постель. Мне хочется есть. Я ведь три дня... Повезите меня куда-нибудь, где можно поесть. Только, чтобы там были люди и... эта... как называется?.. Ну, словом, музыка.

Нода, морщась, проглотила несколько ложек супа и отодвинула тарелку.

— Больше не могу. Послушайте, Дан, вы-то как туда попали?

— В общем, случайно. А вы давно?

— Давно. Уже больше шести месяцев.

— Но почему? Ведь ваше положение в университете...

— Ох, Дан! Все это началось очень давно, еще в студенческие годы. Вы помните наши вечеринки? Обычная щенячья бравада. Наркотики. Вот и втянулась. А они ведь все знают, вероятно, следили. Предложили работу. Платят отлично, героину — сколько угодно. Раньше не понимала, что там творится, а теперь, когда начала догадываться...

— Вы имеете в виду Проблему? Вам что-нибудь о ней известно?

— Очень мало, но ведь вы знаете, что я — аналитик. Когда у меня возникли кое-какие подозрения, я разработала систему определителей. Начала систематизировать все, что интересует машину, и тогда...

Она закрыла лицо руками.

— Ух, Дан, как это все страшно! Самое ужасное, что мы с вами совершенно беспомощны. Ведь программа машины никому не известна, а тут еще вдобавок — добрая треть наркоманов и алкоголиков, работающих с ней, бывшие военные. Вы представляете себе, на что они способны?!

— Вы думаете,— спросил Ронг,— что Проблема имеет отношение к какому-то новому оружию? Но тогда почему они пригласили меня? Ведь я — биохимик.

Нода залилась истерическим смехом.

— Вы ребенок, Дан! Они ищут новые идеи главным образом в пограничных областях различных наук. Перетряхивают все, что когда-либо было известно человечеству с незапамятных времен. Сопоставляют и анализируют.— Она понизила голос. — Вы знаете, есть мнимости в геометрии. Никто никогда не думал об их физическом смысле. Однако, когда человек... ну, словом, героин... мало ли какой бред тогда лезет в голову. Так вот, все, что я тогда думала по этому поводу, машина сожрала без остатка. А разве вы не замечали, что лампочка над вашей головой часто вспыхивает при самых невероятных предположениях?

Ронг задумался.

— Пожалуй, да. Однажды, это было к концу рабочего дня, я был утомлен и плохо себя чувствовал, мне пришла в голову дикая мысль, что если бы кровь, кроме гемоглобина, содержала еще хлорофилл, то, при прозрачных кожных покровах, можно было бы осуществить газовый обмен в организме по замкнутому циклу.

— И что же?! — Нода вся подалась к Ронгу.— Как она на это реагировала?!

— Зачавкала, как свинья, жрущая похлебку.

— Вот видите! Я была уверена, что здесь должно быть что-то в этом роде!

— Не знаю,— задумчиво произнес Ронг,— все это очень странно, но я не думаю, чтобы какое-либо оружие могло быть создано на базе таких...

— Вероятно, это не оружие,— перебила Нода,— но если мои подозрения правильны, то эта кучка маньяков получит в свои руки такие средства порабощения, перед которыми самые мрачные страницы истории Дономаги покажутся ерундой. Не зря они не жалеют никаких денег и ни перед чем не останавливаются, чтобы заполучить в свои лапы нужных им ученых.

— Но что мы с вами можем сделать, Нода?

— Мне нужно еще два дня, чтобы закончить проверку моей гипотезы. Если все подтвердится, мы должны будем попытаться предать все огласке. Может быть, газеты...

— Кто нам поверит?

— Тогда мы должны будем уничтожить машину,— сказала она, вставая.— А теперь, Дан, отвезите меня домой. Мне нужно выспаться перед завтрашним поединком.

Прошло два дня. Ронгу больше не удавалось переговорить с Нодой. Дверь ее кабинета всегда была заперта изнутри. На стук никто не отзывался.

Ронг не мог отделаться от тревожных предчувствий. То, что подсознательно все время его тревожило, после разговора с Нодой приобрело характер уверенности. Сейчас он не сомневался, что если б за таинственностью, которой была окружена Проблема, не скрывались зловещие замыслы ее хозяев, не было бы ни этих изолированных кабинетов с зашифрованными наименованиями их обитателей, ни стремления оградить машину от всякого воздействия извне.

Тщетно он поджидал Ноду у выхода. Очевидно, либо она не покидала кабинета, либо Латиани уже кое о чем пронюхал и успел принять контрмеры.

Было около трех часов дня, когда слух Ронга резанул пронзительный женский вопль.

Он выбежал в коридор и увидел двух верзил в белых халатах, волочивших Ноду. Ронг бросился к ним.

— Меня увозят,— крикнула Нода,— наверное, они...— ее слова потонули в огромной лапе, заткнувшей ей рот. Ронг схватил одного из стражей за воротник.

— Стукни его, Майк,— проревел тот, вертя шеей,— они все тут сумасшедшие!

Ронг почувствовал тупую боль в виске. Перед глазами вспыхнули разноцветные круги...

— Где Латиани?!

— Он уехал минут тридцать назад. Сегодня здесь больше не будет.

Ронг рванул дверь. Кабинет был пуст.

— Куда увезли Ноду Сторн?!

Лицо секретарши выразило изумление.

— Простите, доктор Ронг, но я не поняла...

— Бросьте прикидываться дурочкой! Я спрашиваю, куда увезли Ноду Сторн?!

— Право, я ничего не знаю. Может быть, господин Латиани....

Ронг погрозил ей кулаком.

— Подождите, я еще до вас доберусь!

Отпихнув ногой стул, он направился вниз.

Нужно было решать.

Не подлежало сомнению — Ноду убрали потому, что она достаточно близко подошла к решению загадки, составляющей тайну этой преступной шайки. Нет ничего проще, чем объявить сумасшедшей женщину, у которой нервная система расстроена постоянным употреблением наркотиков. Что бы Нода ни говорила, всегда можно квалифицировать это как бред. Ведь никаких доказательств она привести не может.

Откинувшись на диванные подушки, Ронг пытался привести в порядок мысли, мелькавшие в голове, все еще затуманенной от полученного удара.

Найти Ноду будет очень трудно. Вероятно, они ее поместят в одну из психиатрических лечебниц под вымышленным именем. Даже если это не так, то все равно медицинские учреждения подобного рода очень неохотно выдают справки о своих пациентах. Да и кто он такой, чтобы требовать у них сведения? Насколько ему было известно, родственников у нее нет. Можно обшарить всю Доиомагу, так ничего и не добившись.

Но что делать, если Ноду не удастся найти?

Ведь пока что машина работает, и каждый день неуклонно приближает страшную развязку. О, черт! Если б можно было проникнуть за эту прозрачную броню!

Ронг вспомнил двух черепашек, которых показывал ему Дорик. Даже если каким-то чудом вывести из строя машину, те ее сразу бы реставрировали. Ведь им достаточно получить сигнал... Стоп! Это, кажется, мысль!

От напряжения лоб Ронга покрылся каплями пота.

Полученный сигнал о неисправности какого-либо элемента заставляет черепаху идти к месту аварии и сменить негодную деталь запасной. А если было бы наоборот, отсутствие сигнала побуждало б заменить годную деталь вышедшей из строя. Но как это сделать? Очевидно, где-то в схеме нужно переключить вход на выход. Изменить направление сигнала, и программа на самосохранение у машины превратится в манию самоубийства.

Внезапно наверху щелкнуло, вспыхнул зеленый сигнал.

«Ага! А ну, дальше! Как проникнуть за броню, чтобы переключить контакты? Это нужно сделать у обеих черепах. Ура! Молодчина, Ронг! Слава богу, что их две! Пусть переключат вводы друг у друга».

Многочисленные реле непрерывно щелкали над головой Ронга. Сигнал светился ярким зеленым светом. Машина явно заинтересовалась этой идеей. Однако еще нельзя было понять, сделает ли она из нее какие-либо практические выводы.

Ронг вышел в коридор. Черепашки прекратили свой бег и стояли, уставившись друг на друга красными глазами. С тяжело бьющимся сердцем Ронг приник к перегородке.

Прошло несколько минут, и вот одна из черепашек начала ощупывать другую тонкими паучьими лапками. Затем неуловимо быстрым движением откинула на ней крышку...

Теперь все сомнения исчезли. Обе черепашки вновь двигались вдоль машины, снимая многочисленные конденса-

торы и сопротивления. Судя по скорости, с какой они это проделывали, через несколько часов все будет кончено. Ронг усмехнулся. Больше ему здесь нечего было делать.

На следующее утро Ронг влетел в кабинет Латиани.

— А, доктор Ронг! — на губах Латиани появилась насмешливая улыбка.— Могу вас поздравить. С сегодняшнего дня ваш оклад увеличен на пятьсот соле. Эта идея насчет черепашек дала нам возможность значительно увеличить надежность машины. Просто удивительно, как мы раньше не предусмотрели возможность подобной диверсии.

Ронг схватил его за горло.

— Говорите, куда вы запрятали Ноду Сторн?!

— Спокойно, Ронг! — Латиани резким ударом отбросил его в кресло.— Никуда ваша Нода не денется. Недельку полечится от истерии и снова вернется к нам. Так уже было несколько раз. Ее-то мы с удовольствием возьмем назад, хотя предварительные изыскания уже закончены. Сегодня машина начнет выдавать продукцию — тысячу научно-фантастических рассказов в год. Мы в это дело вложили больше ста миллионов соле, а вы, осел эдакий, чуть было все нам не испортили. Хорошо, что автоматическая защита, предусмотренная Дориком, вовремя выключила ток. Нечего сказать, хорошего работничка нам подсунул Кирби! А ведь он — один из главных акционеров нашей фирмы.

Александр Шалимов

КОНЦЕНТРАТОР ГРАВИТАЦИИ

Рассказ

— Ты должен помочь мне, Стив,— сказал Джо.— Я окончательно сел на мель...

— Но твое последнее изобретение,— поднял брови Стив,— неужели опять...

— Да... Собственно, автомат в Контрольном бюро сначала высказался как-то неопределенно: идея оригинальна, в схеме есть элементы новизны, в целом требует углубленного анализа. Окончательный ответ получил сегодня. Вот...— Джо протянул приятелю кусок перфорированной алюминиевой фольги.

— Видишь? Предложено впервые в 1973 году. На практике не применялось... Слишком упрощало управление многими процессами. У парня была голова на плечах. Додуматься в те времена...

— А кто он? — поинтересовался Стив, лениво потягивая из бокала зеленоватую бодрящую жидкость, поданную белым автоматом.

Джо невесело усмехнулся.

— Кто теперь помнит имена? Тут указан номер патента США — 103 109 725. Историк, может, и раскопал бы под-

робности в каком-нибудь хранилище бумажных документов. Мне это ни к чему.

— Не везет тебе, Джо,— заметил Стив, снова поднося к губам бокал.

Друзья сидели за маленьким овальным столиком в самом углу большого низкого зала. Обеденный перерыв давно кончился. Кафе-автомат, расположенное на восьмом подземном этаже огромного здания концерна Голфорби, было почти пусто.

Джо поставил на столик пустой бокал. Бесшумно подкатил белый автомат. Приглашающе мигнул золотистым глазком. Джо отрицательно махнул рукой, отвернулся.

— Я плачу́, Джо,— сказал Стив.

Он небрежно швырнул монету в серебристую раковину на груди автомата.

Послышался мелодичный звон, мягкий голос негромко произнес:

— Благодарю. Пейте на здоровье.

Перед Джо появился второй бокал, до краев наполненный зеленоватым напитком Голфорби, «легко усваиваемым, приятным на вкус, высококалорийным, питательным и тонизирующим», как беззвучно кричали световые надписи, бегущие по стенам зала.

Джо кивнул. Взял бокал. Пока он пил, Стив молча наблюдал за ним.

«Сдает Джо,— думал Стив.— Глаза потускнели, лысеет и цвет лица нездоровый. Одет кое-как: свитер из самого дешевого синтетика. Носит его вторую неделю, а то и дольше. Чертовски талантливый парень, а неудачник...»

— Просто не знаю, что тебе посоветовать, Джо,— задумчиво сказал Стив, когда Джо покончил со вторым бокалом.— Нашему концерну инженеры не нужны. Поговаривают о новом сокращении. Обслуживающего персонала совсем не осталось — заменили автоматами... Разве агентом по продаже автоматов? Если хочешь, поговорю с мистером Голфорби-младшим.

— Нет,— решительно сказал Джо,— для этого не гожусь. Я до краев начинен новыми проектами. Мне бы в конструкторскую группу... Или раздобыть денег и продолжить работы у себя в лаборатории. Я сейчас бьюсь над одной интересной штукой... Ты можешь одолжить мне еще денег, Стив?

— Пожалуй... Но того, что я в силах предложить, едва

ли хватит... Я работаю всего три часа в день и, сам понимаешь....

— В конструкторском бюро?

— Нет,— Стив смущенно кашлянул,— видишь ли, там платили гроши. Я владею несколькими языками. Мистер Голфорби-младший узнал об этом и предложил мне должность утреннего секретаря. По утрам мистер Голфорби занимается техническими вопросами, знакомится с проспектами фирм, проектами автоматов, запускаемых в серийное производство. Он в технике ни бельмеса не понимает. Ему нужен кто-то, чтобы не наделать глупостей... Хитрый старый крокодил. Эксплуатирует меня, как специалиста, а платит, как техническому секретарю. В час дня он кончает заниматься техникой. Автомат подает ему в кабинет завтрак, а я... мой рабочий день окончен.

— Как же шеф обходится без тебя после завтрака? — поинтересовался Джо.

— Вторую половину дня он занимается финансовыми делами, диктует письма. Тогда при нем неотлучно находится дневной секретарь — мисс Баркли. Впрочем, он собирается и ее заменить автоматом.

— Я мог бы спроектировать такой автомат,— заметил Джо.

— Он давно спроектирован, только мистер Голфорби все не может решить, какую придать ему внешнюю форму— девушки или особы постарше, и потом цвет волос, глаз и все прочее. Мистеру Голфорби не остается времени продумать детали.

— Неужели он один командует концерном?

— Фактически так получается, Джо. Мистер Голфорби-младший подозрителен и недоверчив. Все предпочитает решать сам. Изредка собирает совет директоров, но это только в крайних случаях. Новые крупные вложения в производство или что-нибудь подобное...

— Король автоматов,— с оттенком зависти и горечи заметил Джо.— Властелин тупой, абсолютный и всемогущий.

— Ну, последнее не совсем...— оглянувшись по сторонам, шепнул Стив.— Сейчас у мистера Голфорби со всемогуществом не совсем благополучно. Ты слышал о концерне Риджерса? Они тоже делают автоматы. Мистер Голфорби пытался договориться со стариком Риджерсом. Не вышло. Теперь они смертельные враги. Мистер Голфорби, кажется,

способен проглотить Риджерса, не жуя. Но этот Риджерс — крепкий орешек. И, главное, все дело только в нем самом. Вице-директора его концерна не прочь договориться с моим шефом, а Риджерс — ни в какую. Уверен, он еще доставит мистеру Голфорби немало хлопот...

Джо сжал пальцами лоб. Соображал что-то.

— Слушай, Стив,— сказал он наконец,— устрой мне небольшую аудиенцию у шефа в часы твоего утреннего дежурства.

— Зачем? — забеспокоился Стив.

— Хочу предложить ему... одну безделицу.

— Не примет. Вся техника идет через технический совет, главного конструктора, экспертов. Безнадежно, дружище. Я там бессилен.

— А ты постарайся, чтобы Голфорби принял меня... Ты ведь можешь это устроить. Остальное беру на себя.

— Выгонит он меня, Джо.

— Ручаюсь, что нет. А если мой проект удастся, двадцать пять процентов твои.

— Сколько это будет? — поинтересовался Стив.

— Ну, скажем, двести пятьдесят тысяч.

— О-о,— разочарованно протянул утренний секретарь мистера Голфорби-младшего.— О, Джо, этот «голфорби» ударил тебе в голову. Пойдем лучше...

— Подожди, Стив. Подумай, двести пятьдесят тысяч. После этого ты сам не захочешь оставаться утренним секретарем у мистера Голфорби. Ну, а если не выйдет, к тебе он не будет иметь претензий. Ты останешься на своем высоком посту утреннего секретаря, а я... Я пойду работать агентом по продаже автоматов.

— Но что сказать шефу, Джо? Как представить тебя?..

— Скажи что угодно. Лишь бы принял. И, разумеется, не вспоминай, что мы приятели. Убежден, он клюнет на мое предложение. Тогда мы с тобой договоримся о дальнейшем. По рукам, Стив?

— Не знаю... не знаю. Боюсь остаться без места.

— Разумеется, боязливый не заработает четверть миллиона...

— Если думаешь воздействовать на его эмоциональные струны...

— Неужели ты считаешь меня окончательным болваном, Стив?

— Тогда объясни.

— Объясню... Но позже. Сначала устрой встречу. Не пожалеешь.

— Я может и рискнул бы, Джо, но...

— Но?

— Двадцать пять процентов — это маловато...

— Ты стал дельцом возле своего шефа, Стив. Сколько ты хочешь?

— Видишь ли... В случае неудачи я рискую местом, ты практически не рискуешь ничем. В крайнем случае он прикажет роботам вышвырнуть тебя на улицу. Справедливость требует, чтобы все было пополам. И риск и... все прочее...

— Это грабеж, Стив... Я... просто не ожидал. Ладно. Тридцать процентов, и ни пенса больше. Иначе пойду к Риджерсу.

— Ого, Риджерс! Там у тебя ничего не выйдет, дорогой. Не доберешься даже до утреннего секретаря... Впрочем, я готов немного уступить. Сорок процентов, Джо. Это мое последнее слово.

— Ты пользуешься моим безвыходным положением, мальчик. Тридцать пять, и кончим разговор.

— Нехорошо так торговаться со старым приятелем, Джо. Мы с тобой учились вместе. Впрочем, я всегда обладал мягким характером. Поэтому и не шагнул дальше утреннего секретаря. Тридцать семь процентов и звони завтра днем. Либо я скажу, когда мистер Голфорби-младший примет тебя, либо сообщу, в какие дыры теперь требуются агенты по продаже автоматов.

— Слушаю,— сказал мистер Голфорби-младший. В вашем распоряжении пять минут и ни секунды больше.

— Пусть этот выйдет,— Джо кивнул в сторону Стива.— Дело слишком серьезно, мистер... э-э... Голфорби.

Маленькие бесцветные глазки властелина всемирно известного концерна широко раскрылись. Мистер Голфорби-младший с нескрываемым любопытством посмотрел на Джо. Потом протянул пухлую руку, унизанную дорогими перстнями, взял из массивного золотого бокала сигару, не спеша поднес к автоматической гильотинке. Обрезал. Закурил.

— Осталось четыре минуты,— бросил он, глядя исподлобья на Джо.

Джо заложил ногу за ногу и, не моргнув глазом, потянулся за сигарой.

Стив в ужасе зажмурился.

— Я тоже ценю свое время, сэр,— сказал Джо с оттенком легкого укора.

Он отгрыз кончик сигары, выплюнул его на пушистый ковер из дорогого синтетика и, взяв резким движением со стола зажигалку в форме статуэтки Гомера, прикурил от лысины поэта.

— Три минуты,— заметил мистер Голфорби не очень уверенно.

— Речь пойдет о концентраторе гравитации,— процедил сквозь зубы Джо.— Надеюсь, вы понимаете, что это значит?.. — Он глубоко затянулся и выпустил струю дыма к самому потолку кабинета.

Мистер Голфорби-младший заерзал в кресле. Глянув в сторону своего секретаря, он прочитал на его лице неподдельный ужас и решился.

— Оставьте нас вдвоем на... несколько минут,— сказал мистер Голфорби с такой миной, словно проглотил живую осу и она еще жужжит где-то за языком.

Стив вышел пошатываясь. Дверь кабинета автоматически закрылась за его спиной.

Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать... Телеэкран над дверью оставался темным.

Наконец Стив не выдержал. Он нажал кнопку и дрожащим голосом сказал в микрофон:

— Простите, шеф, я еще не нужен вам?..

— Вы можете войти,— послышался в ответ голос мистера Голфорби. По тону, каким были сказаны эти слова, Стив понял — шеф сильно взволнован.

—...Теперь вы понимаете, почему я настаивал на разговоре без свидетелей,— услышал Стив голос Джо, когда дверь кабинета бесшумно скользнула в сторону.

Джо стоял посреди кабинета, покачиваясь на носках. Мистер Голфорби, подперев ладонями подбородок, сосредоточенно жевал потухшую сигару.

— На какое расстояние действует ваша модель? — спросил он, не глядя на Джо.

— Десять-пятнадцать метров в случае предельной концентрации поля. При увеличении мощности излучателя дальность соответственно возрастает. Но тут надо соблюдать осторожность. Это самое страшное оружие, когда-

либо создававшееся на Земле. Расчеты показывают, что излучатель диаметром около трех метров без труда деформирует, иными словами, уничтожит планету средней величины.

— Такой мне пока не нужен,— заметил мистер Голфорби.— Сколько хотите получить за вашу игрушку?

— Сейчас это бесполезный разговор,— возразил Джо.— Мы продолжим его, когда увидите концентратор в действии. Разумеется, дешево не отдам... На испытание можете пригласить любого эксперта или доверенное лицо. Но только одного. Я не хочу, чтобы тайна разошлась. Думаю продолжить работу над прибором. Вам предлагаю не патент, а действующую модель в одном экземпляре. Почему выбрал именно вас? Потому что вы, вероятнее всего, не используете концентратор во вред человечеству. Если прибор попадет в руки маньяка или гангстера, трудно предвидеть последствия. Вы поняли меня?

— Если я куплю его у вас, я использую его так, как сочту нужным,— сказал мистер Голфорби-младший и засопел.

— Разумеется, сэр,— вежливо согласился Джо.— Но производить другие концентраторы вы не будете.

— И этого не обещаю,— объявил Голфорби и засопел еще громче.

— А мне и не нужны обещания,— сказал Джо.— Это я сам знаю. Чтобы создать второй концентратор по моей модели, вам надо иметь среди ваших инженеров по крайней мере второго Джонатана Диппа, то есть меня. Мое почтение, сэр.

— Позвольте,— повысил голос мистер Голфорби.— А когда?..

— Когда вам будет угодно. Прибор готов и находится в безопасном месте.

— Но где?

— Безразлично... Можно здесь...— Джо критически огляделся по сторонам.— Жаль, конечно, обстановку. При испытании кое-что неминуемо будет испорчено... Может, где-нибудь за городом, в укромном месте?

— Тогда завтра... Вы могли бы завтра? — мистер Голфорби испытующе глянул на Джо.

«Впервые слышу, что он спрашивает, а не приказывает,— подумал Стив.— Джо, кажется, действительно гений!»

— Завтра мне не очень удобно,— холодно сказал Джо.— Но... в конце концов, могу выкроить час-полтора. Согласен...

— Мой секретарь заедет за вами утром, мистер Дипп. Оставьте ему ваш адрес. Концентратор испытаем на моей загородной вилле. Третьим будет...— мистер Голфорби на мгновение задумался,— третьим будет мой секретарь. Вот этот... Кстати, он инженер и кое-что понимает в физической сути всех этих штук. Я возьму игрушку, если все будет... так, как вы рассказывали.

— Но объясни же, наконец, Джо,— настаивал Стив, шагая рядом с приятелем вдоль зеленой аллеи, все деревья которой были подстрижены в виде геометрически правильных пирамид, кубов и эллипсов.— Объясни, что ты задумал. Я не могу играть вслепую. А ты темнишь.

— Лучше, если для тебя это будет неожиданностью,— холодно отрезал Джо.— Твой ужас и изумление лучше всего убедят твоего шефа. Потерпи. Ты утренний секретарь, не более. Сыграй роль до конца и получишь свои тридцать семь процентов. Кстати, где нас будет ждать твой крокодил?

— На большой лужайке вон за тем прудом. Ровно в одиннадцать тридцать он прилетит туда на винтокрыле. Он не любит терять времени в скоростных наземных машинах. Но имей в виду, ты ведешь себя нечестно и это может кончиться плохо. Если бы я знал, в чем дело, я мог бы помочь, сказать что-то в удобный момент, а так...

— Все будет в порядке, старина. Ты уже сделал главную часть своей работы. Свел меня с шефом. Остальное предоставь мне.

Когда Стив и Джо достигли лужайки, над их головами послышался негромкий шелест, и серебристая кабина, спланировав почти отвесно, коснулась амортизаторами зеленой коротко подстриженной травы. Колыхнувшись раз и другой, винтокрыл замер неподвижно. Прозрачная стенка кабины скользнула в сторону, и мистер Голфорби ступил на землю.

Стив поспешно поклонился. Мистер Голфорби кивнул и, подойдя к Джо, милостиво протянул руку.

Джо небрежно пожал ее.

— Машинка при вас? — осведомился мистер Голфорби.

— Вы имеете в виду концентратор, сэр?
— Разумеется, не автомат для продажи газированной воды.
— Концентратор здесь.
Мистер Голфорби огляделся.
— Но я не вижу...
— Вот он, сэр.
Джо разжал руку. На ладони у него лежал маленький блестящий параллелепипед, похожий на зажигалку.
— И это все?
— А вы полагали, что он величиной с межпланетный корабль? Тогда я не предлагал бы его вам.
— Но...
— Никаких «но», сэр. Приступим к испытаниям?
— Предупреждаю, что если вы вздумаете дурачить меня...
— Сэр!
— ...я заставлю вас пожалеть об этом,— докончил мистер Голфорби, побагровев.
— На чем вы хотите испытать его действие?
— На чем угодно.
— Вам не жаль этого прекрасного старого дуба? — Джо небрежно указал на огромное раскидистое дерево с густой темно-зеленой кроной, стоящее метрах в десяти на краю поляны.
— Этому дубу триста пятьдесят лет,— сказал мистер Голфорби.— Его ствол около трех метров в обхвате.
— Поэтому я и спрашиваю: не жаль вам его?
— Неужели вы рассчитываете вашим спичечным коробком...
— Кажется, мы тратим впустую драгоценное время,— с легким раздражением заметил Джо.—Потрудитесь объяснить, сэр, что вам угодно от меня.
— Я хочу испытать ваш... прибор.
— И я хочу только этого, сэр. Этот, как вы изволили выразиться, «спичечный коробок» заключает в себе чудовищную силу. Видите, здесь небольшое отверстие? Это излучатель направленного гравитационного поля. Он излучает гравитоны, сэр... гравитоны... Самые мельчайшие, всепроникающие и... всесильные частицы Вселенной. Поток гравитонов, как я уже имел удовольствие вам рассказывать, деформирует естественное поле тяжести Земли. Вы представляете, сэр, что при этом получается?

— М-да,— сказал мистер Голфорби,— но я...

— Минутку, сэр. Недостаток этого прибора в том, что он очень мал. Поток гравитонов быстро рассеивается в пространстве. Практически в двадцати метрах от прибора деформация поля тяжести почти неощутима. Разумеется, ее можно фиксировать точными приборами, но так... ничего не заметно...

— Позвольте,— начал мистер Голфорби.

— Это на двадцати метрах, сэр,— продолжал Джо, а в радиусе десяти метров от прибора деформация поля тяжести без труда сбросит под откос стремительно мчащийся поезд, обрушит стену дома или переломит, как спичку, вот этот дуб. И никто не догадается, что было причиной катастрофы.

«Какая сволочь! — подумал Стив.— Аферист! Так подвести... Называется, друг!»

Джо словно понял мысли Стива и обернулся к нему.

— В радиусе двух-трех метров, сэр,— продолжал Джо, обращаясь к мистеру Голфорби,— совсем небольшая доза направленного излучения гравитонов приведет к мгновенному инфаркту со смертельным исходом или к кровоизлиянию в мозгу того... лица, которое попадет в поле излучения. Не угодно ли вам посмотреть сюда. Видите шкалу? Стрелка стоит на нуле. Я направляю излучатель на... ну, хотя бы на него,— Джо указал на Стива, стоящего в трех шагах.— Что вы чувствуете сейчас, мистер, мистер...

— Принкс,— подсказал мистер Голфорби.

— Что вы чувствуете сейчас, мистер Принкс?

— Ничего,— сказал сквозь зубы Стив, чувствуя, что кровь приливает к лицу.

— Превосходно. Ничего. Посмотрите, сэр. Ничего, потому что стрелка прибора пока на нуле. Но вот я поворачиваю регулятор. Это можно делать незаметно, большим пальцем, держа прибор зажатым в ладони или даже в кармане. Ткань вашего пиджака просто прижмет к раструбу излучателя и ей ровно ничего не сделается. Итак, я направляю излучатель на вашего служащего и начинаю осторожно поворачивать регулятор. Вы ничего не услышите, сэр. Прибор работает абсолютно бесшумно. Ну, а теперь что вы чувствуете, мистер... мистер Хрипс?

— Ничего,— насмешливо начал Стив и вдруг понял, что с ним что-то происходит... Все окружающее начало вра-

щаться сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Тяжесть навалилась на грудь, и Стив почувствовал, что задыхается. Он хотел закричать, но из горла вырвался только хрип. Стив отчаянно замахал руками и вдруг увидел, что земля поворачивается боком и стремительно надвигается на него.

Джо не дал ему упасть. Он подхватил Стива под руку, несколько раз встряхнул за воротник пиджака и заставил удержаться на ногах. Ошеломленный Стив шатался, как пьяный, и бормотал что-то совершенно бессмысленное.

— Вы видели, сэр,— снова обратился Джо к мистеру Голфорби.— Стрелка отошла всего на половину деления. Если бы она отошла чуть больше, мистера Брипса можно было бы класть на катафалк и везти в крематорий. И ни один врач не объяснил бы его кончины иначе, чем разрывом сердца. Вульгарным разрывом сердца, сэр, при полном отсутствии каких-либо иных травм.

— М-да,— сказал мистер Голфорби, недоверчиво поглядывая то на гравитатор, то на секретаря, который все еще не мог опомниться.

— Может быть, вы желаете испытать на себе, сэр? — ласково спросил Джо.— Совсем чуть-чуть! На четверть деления?

— М-да,— повторил в нерешительности мистер Голфорби... Нет-нет,— тотчас же завопил он, заметив, что Джо направляет на него отверстие гравитатора.— Нет, черт побери, я говорю... На живом индивидууме достаточно. Он потом мне расскажет,— мистер Голфорби кивнул на Стива и отер дрожащей рукой лицо.

— Тогда, может быть, попробуем на этом дубе?

— Можно,— сказал мистер Голфорби,— но только я попрошу: совсем не ломайте, в крайнем случае, несколько веток, а лучше пригните к земле.

— Пожалуйста,— холодно сказал Джо и направил раструб гравитатора на огромное дерево.— Подойдите ближе, сэр,— обратился он к мистеру Голфорби,— и следите за стрелкой, чтобы знать, как дозировать. Иначе потом могут быть неприятности.

Мистер Голфорби приблизил мясистый нос к самой ладони Джо и время от времени бросал подозрительные взгляды поверх очков на стоящее в десятке метров дерево.

Стив уже несколько пришел в себя после произведенного над ним эксперимента. Он тоже с любопытством уставился

на дуб, ожидая, что произойдет. Но ничего не произошло. Даже и тогда, когда в глазах мистера Голфорби появилось нечто похожее на ужас, дуб продолжал стоять, как стоял до этого.

— Пожалуй, довольно,— сказал наконец Джо.

— Довольно,— согласился мистер Голфорби и стал растерянно протирать очки.— Но... он распрямится?

— Он уже распрямляется, сэр,— небрежно сказал Джо.— Ведь стрелка отклонилась всего на два деления.

Стив глядел вокруг и ничего не понимал. Что распрямляется? Или все это последствия эксперимента?.. Стив еще испытывал небольшое головокружение и его слегка поташнивало, как после морской прогулки.

— Я беру вашу игрушку,— сказал мистер Голфорби и вздохнул.— Потрудитесь назвать цену.

— Вот она,— Джо протянул маленькую карточку, на которой стояла единица со многими нулями.

Мистер Голфорби взглянул на карточку, потом на Джо, потом опять на карточку и ошеломленно заморгал глазами.

— Вы сошли с ума,— с трудом выдавил он наконец.

Джо хладнокровно сунул в карман блестящую коробочку концентратора, пожал плечами.

— Кажется, я напрасно терял время,— заметил он, ни к кому не обращаясь.

Он повернулся, чтобы идти, через плечо бросил мистеру Голфорби:

— По-видимому, наше знакомство кончается, сэр. Но предупреждаю, об этой штуке никому ни слова,— Джо похлопал по карману.— Иначе...

— Но это, это...— начал, задыхаясь от ярости, мистер Голфорби.

— Это единственный во вселенной экземпляр, сэр. И обладатель его на пороге... власти над миром...

— Миллион долларов,— стонал мистер Голфорби.— Это грабеж... Миллион за какую-то... зажигалку...

Джо, уже отошедший на несколько шагов, снова обернулся:

— Вы наивны, сэр. Я требую миллион только потому, что именно столько мне сейчас необходимо. Если бы мне потребовалась большая сумма, я назвал бы ее. Я создал этот прибор и вправе требовать за него любую цену. Ведь мы живем в свободном мире, сэр. Разумеется, сам по себе

этот прибор стоит недорого; миллион — цена моего открытия. И уверяю вас, оно стоит гораздо дороже. Любой гангстерский синдикат...

— Пятьсот... тысяч,— сказал мистер Голфорби не очень уверенно.

— Мое почтение, сэр.

— Восемьсот... восемьсот тысяч; да вернитесь вы, черт вас побери!

Дрожащими пальцами мистер Голфорби выписал несколько чеков. Джо небрежно сунул их в карман и протянул финансисту концентратор.

— Осторожнее с ним, сэр,— предупредил Джо.— И не экспериментируйте слишком часто на людях. Иначе догадаются, что вы... источник разрушения...

— Не учите меня,— грубо отрезал мистер Голфорби.— Я получил прибор, вы — деньги. Надеюсь, больше мы с вами не встретимся!

— Даже если я сконструирую еще более мощный концентратор, сэр?

Мистер Голфорби смерил Джо уничтожающим взглядом и, не удостоив ответом, пошел к винтокрылу. Уже садясь в кабину, он сделал знак Стиву следовать за ним.

Утренний секретарь, спотыкаясь, поплелся к машине.

На следующий день Джо разбудил резкий звонок видеофона. Джо поднял голову с подушки и включил экран. На экране появилось лицо Стива. Утренний секретарь был бледен, в широко раскрытых глазах застыл испуг.

— Нам надо немедленно увидеться,— сказал Стив, с трудом шевеля перекошенными губами.— Немедленно!

— Что-нибудь случилось?

— Поговорим при встрече.

— Приезжай!

— Не могу. Встретимся в кафе у моста. Жду через десять минут.

— Что за спешка?

— Приезжай немедленно. Случилось ужасное.

Экран погас.

Через четверть часа Джо входил в кафе на набережной Гудзона. Стив сидел за отдельным столиком у открытого настежь окна.

— Ну? — сказал Джо вместо приветствия.

— Мистер Голфорби... умер.

— А,—сказал Джо, садясь на свободный стул.— Стоило ради этого будить меня.

— Час назад опечатали его кабинет и сейфы; банки концерна прекратили все операции.

— Я вчера реализовал чеки... Деньги переведены в Мехико.

— Нам надо немедленно бежать, Джо.

— Почему?

— Потому что... его нашли сегодня утром в кабинете. Разрыв сердца... Его врач констатировал разрыв сердца. Но...

— Но?..

— Возле лежал этот страшный прибор. Твой гравитатор, Джо.

— Ну и что?

— Как что? Неужели не понятно? Он был включен. Стрелка показывала максимальный отсчет. Я сам видел.

Джо улыбнулся.

— Это невозможно, мой мальчик. Там есть пружина. Если отпустить регулятор, стрелка обязательно возвратится на ноль. Обязательно...

— Но я сам видел. Эта адская машина лежала на столе возле его головы и стрелка показывала максимальный отсчет. Я сам видел, Джо. Я не рискнул ее коснуться, а теперь уже поздно. Полиция все опечатала. Может быть, твой гравитатор уже в полиции...

— Концентратор, Стив!

— Разве в этом дело! Вчера нас видел пилот винтокрыла. Он наблюдал все эти чертовские фокусы со мной, с дубом...

— Там был робот, Стив.

— Тем хуже. Полиция проанализирует запись его электронной памяти и все станет ясно. Мы погибли, Джо!

— Кажется, ты сказал, что мистер Голфорби умер от разрыва сердца.

— Именно! И в этом трагедия для нас с тобой.

— Хорошо, что я успел вчера реализовать чеки,— задумчиво сказал Джо.— Впрочем, я не думал, что этот Голфорби окажется таким ослом. Просто я опасался финансового краха.

— Финансового краха, Джо? Чей крах ты имеешь в виду?

— Твоего покойного патрона. И я, конечно, не ошибся. Именно поэтому опечатаны сейфы и прекращены операции в банках.

— Невозможно, Джо...

— Ты был утренним секретарем, а финансовыми делами мистер Голфорби занимался после полудня с этой, как ее...

— Мисс Баркли.

— Именно. Ты не был в курсе всего.

— А как узнал ты?

— Наивный вопрос. Я разговаривал с ним почти четверть часа с глазу на глаз. В кармане моей куртки был электронный анализатор биотоков. Знаешь эту машину, которой пользуются все следователи по уголовным делам? Только в полиции она размером с книжный шкаф, а мне удалось сконструировать портативную, не больше портсигара. Вот она, здесь,— Джо похлопал себя по боковому карману.— Вернувшись домой, я расшифровал запись анализатора. Мне удалось точно установить три вещи: первое, что твой шеф был глуп и ни черта не понимал в технике, второе, он опасался финансового краха и третье, что он рассчитывал использовать мой прибор, чтобы уничтожить какого-то человека. Сопоставив эти данные с тем, что я узнал от тебя, нетрудно было догадаться: он хотел убрать Риджерса и путем объединения фирм поправить дела своего концерна. В наше время убрать такого человека, как Риджерс, задача нелегкая. Ведь у Риджерса своя полиция. А тут подвернулся мой «концентратор гравитации». Стопроцентная гарантия безопасности, причем все можно выполнить самому... Не надо никого нанимать.

— Но теперь все узнают, Джо. Твой прибор в полиции. Надо бежать...

Джо махнул рукой и зевнул.

— Они обратятся к своим экспертам,— продолжал Стив.— Те без труда выяснят, что явилось причиной смерти мистера Голфорби.

— Разрыв сердца.

— Твой гравитатор, Джо. Я же говорил. Стрелка показывала максимальный отсчет.

— Черт побери,— сказал Джо.— Я поставил хорошую пружину от моих старых часов. Как этот тюлень ухитрился сломать ее?

— Какую пружину, Джо?

— Там, в «концентраторе». Раз стрелка показывала максимальный отсчет, значит, он сломал пружину. Поэтому стрелка отскочила и осталась в таком положении.

— Значит, все пропало, Джо. Для нас уже нет выхода?

Стив всхлипнул. Джо с сожалением взглянул на него.

— Ты бывал на сеансах в «Стране приключений»? — спросил Джо, помолчав.

— Давно... Когда учился в школе... Но почему ты вспомнил?

— Помнишь, как там было? Садишься в мягкое кресло и сидишь неподвижно полчаса, а тебе кажется, что плывешь по бурному морю, охотишься на вымерших зверей, на... этих, как их...

— Ихтиозавров?

— На медведей, Стив. Или на тигров... Тигр бросается на тебя, подминает, душит. Ты освобождаешься, убиваешь его и так далее.

— Помню, это было очень здорово. Совсем как по-настоящему.

— Ну, вот. А все дело в цветном объемном экране перед глазами и в датчике биотоков, который смонтирован за экраном.

— Это давно вышло из моды, Джо.

— Конечно. Теперь придумали развлечения похитрее. Залы «Страны приключений» сохранились только в глухой провинции.

— Почему ты вспомнил о них, Джо?

— Потому что в металлической коробочке, которую я продал твоему покойному патрону за миллион долларов, был лишь портативный датчик направленных биотоков с ограниченной программой эмоционального воздействия. Наверное, мистер Голфорби никогда не бывал в детстве на сеансах «Страны приключений», а если и бывал, давно позабыл о них. Кроме того, таких портативных датчиков раньше никто не умел делать...

Стив ошеломленно открыл рот и молчал.

— Боже мой,— сказал он наконец.— Боже мой, но это мошенничество чистой воды; как ты решился, Джо?

— У меня не было иного выхода. Мне надо закончить работу над своим новым изобретением. Это необыкновенное изобретение...

— Счастье еще, что мы не виноваты в его смерти, Джо,— продолжал Стив.— Как истинный христианин, я...

— Я вынужден разочаровать тебя как истинного христианина, Стив,— сказал Джо.— По-видимому, мы все-таки виноваты в его смерти. Все дело в этой негодной часовой пружине. Он, вероятно, хотел испробовать действие прибора на себе. Чуть-чуть... Нажал регулятор, пружина сломалась, стрелка отскочила и он умер от испуга, Стив. У него, конечно, было плохое сердце...

— Ужасно,— сказал Стив.— Это ужасно, Джо... Но ведь они ничего не узнают, правда?

— Не волнуйся, Стив. Береги сердце...

— И ты заплатишь мне мою долю? Я ведь теперь окажусь без места.

— Ты получишь свою долю сполна,— великодушно сказал Джо.— А что ты сделаешь со своими деньгами, Стив?

— Я куплю коттедж на западном побережье, женюсь и буду разводить цветы. Пожалуй, мы с женой откроем магазин цветов. Я всю жизнь мечтал о цветах, Джо. А ты, что думаешь делать ты?..

— Я продолжу работу над своим изобретением. Теперь, когда у меня есть деньги и я смогу приобрести необходимое оборудование — о, я сконструирую потрясающую вещь!.. Ты еще услышишь обо мне, дружище.

— Ты талантлив, Джо,— задумчиво произнес Стив.— Очень талантлив, очень. Придумать такое... Скажи, пожалуйста,— Стив покраснел,— а когда ты разговаривал со мной, у тебя в кармане... тоже был этот... анализатор биотоков?

— Был,— Джо отвернулся и стал глядеть в открытое окно,— но я никогда не пытался анализировать твои биотоки, Стив. Мы ведь старые приятели, не так ли?..

— Все-таки мы очень рисковали, Джо, очень,— сказал Стив.— Все висело на волоске. Что́ если бы он тогда захотел сломать дерево или обрушить какую-нибудь стену? Что тогда?

— Я бы сломал,— просто сказал Джо.

— Что ты говоришь! Как?

— А вот так...

Джо выглянул в окно. Площадь перед кафе и тенистый бульвар на противоположной стороне были пустынны. Лишь на одной из скамеек сидела пожилая дама в клетчатой накидке и читала газету. Джо вынул из кармана маленький блестящий параллелепипед размером в зажигал-

ку, направил его в открытое окно и повернул пальцем диск на плоской стороне параллелепипеда.

Чудовищной силы шквал пронесся по вершинам деревьев. Ствол ближайшего дерева переломился, как спичка... Тяжелая зеленая крона рухнула на залитый солнцем бетон, обрывая протянутые над площадью провода.

— Ну, пока, Стив,— сказал Джо, вставая.— Мне пора. Встретимся в Мехико через три дня...

— Иллюзия полная,— восхищенно объявил Стив.— Как будто все на самом деле...

— Это уменьшенная модель,— сказал Джо, уже стоя в дверях.— Теперь я сконструирую более мощную.

Джо помахал рукой и вышел из кафе.

Стив снова посмотрел в окно. Сломанное дерево лежало на бетонных плитах площади, а вокруг, размахивая газетой, металась пожилая дама в клетчатой накидке.

— Долго действует,— сказал про себя Стив и прикрыл глаза ладонью.

Послышались свистки полицейских. Из-за стойки выкатился робот-официант и уставился немигающими красными глазами-точками в открытое окно. Потом подошел бармен в белом костюме и тоже стал смотреть на площадь.

— Что-нибудь случилось? — спросил Стив, не отнимая ладони от глаз.

— Разве не видите?— сказал бармен.— Молния ударила в дерево.

— И повалила его,— мелодично добавил робот-официант.— Редкое явление природы, сэр, принимая во внимание безоблачную солнечную погоду и показания барометра.

Стив встал и, пошатываясь, пошел к выходу.

— Он заплатил? — спросил бармен у робота.

— Он ничего не заказывал, шеф.

— Успел нализаться перед тем, как пришел сюда,— покачал головой бармен.

Стив вышел на площадь. Возле сломанного дерева уже стояли полицейские машины и пожилая дама что-то объясняла сержанту, прижимая газету к клетчатой накидке.

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

Ллойд Биггл-младший

МУЗЫКОДЕЛ

Рассказ

Все называют это Центром. Есть и другое название. Оно употребляется в официальных документах, его можно найти в энциклопедии — но им никто не пользуется. От Бомбея до Лимы знают просто Центр. Вы можете вынырнуть из клубящихся туманов Венеры, протолкаться к стойке и начать: «Когда я был в Центре...» — и каждый, кто услышит, внимательно прислушается. Можете упомянуть о Центре где-нибудь в Лондоне, или в марсианской пустыне, или на одинокой станции на Плутоне — и вас наверняка поймут.

Никто никогда не объясняет, что такое Центр. Это невозможно, да и не нужно. Все, от грудного младенца и до столетнего старика, заканчивающего свой жизненный путь,— все побывали там и собираются поехать снова через год, и

еще через год. Это страна отпусков и каникул для всей Солнечной системы. Это многие квадратные мили американского Среднего Востока, преображенные искусной планировкой, неустанным трудом и невероятными расходами. Это памятник культурных достижений человечества, возник он внезапно, необъяснимо, словно феникс, в конце двадцать четвертого столетия из истлевшего пепла распавшейся культуры.

Центр грандиозен, эффектен и великолепен. Он вдохновляет, учит и развлекает. Он внушает благоговение, он подавляет, он... все, что угодно.

И хотя лишь немногие из его посетителей знают об этом или придают этому значение — в нем обитает привидение.

Вы стоите на видовой галерее огромного памятника Баху. Далеко влево, на склоне холма, вы видите взволнованных зрителей, заполнивших Греческий Театр Аристофана. Солнечный свет играет на их ярких разноцветных одеждах. Они поглощены представлением, счастливые очевидцы того, что миллионы смотрят только по видеоскопу.

За театром, мимо памятника Данте и института Микеланджело, тянется вдаль обсаженный деревьями бульвар Фрэнка Ллойда Райта. Двойная башня — копия Реймского собора — возвышается на горизонте. Под ней вы видите искусный ландшафт французского парка XVIII века, а рядом — Мольеровский театр.

Чья-то рука вцепляется в ваш рукав, вы раздраженно оборачиваетесь — и оказываетесь лицом к лицу с каким-то стариком. Его лицо все в шрамах и морщинах, на голове — остатки седых волос. Его скрюченная рука напоминает клешню. Вглядевшись, вы видите кривое, искалеченное плечо, ужасный шрам на месте уха — и испуганно пятитесь.

Взгляд запавших глаз следует за вами. Рука простирается в величавом жесте, который охватывает все вокруг до самого далекого горизонта, и вы замечаете, что многих пальцев не хватает, а оставшиеся изуродованы. Раздается хриплый голос:

— Нравится? — спрашивает он и выжидающе смотрит на вас.

Вздрогнув, вы говорите:

— Да, конечно.

Он делает шаг вперед, и в глазах его светится нетерпеливая мольба:

— Я говорю, нравится вам это?

В замешательстве вы можете только торопливо кивнуть, спеша уйти. Но в ответ на ваш кивок неожиданно появляется детская радостная улыбка, звучит скрипучий смех и торжествующий крик:

— Это я сделал! Я сделал все это!

Или стоите вы на блистательном проспекте Платона между Вагнеровским театром, где ежедневно без перерывов исполняют целиком «Кольцо Нибелунгов», и копией театра «Глобус» XVI века, где утром, днем и вечером идут представления шекспировской драмы.

В вас вцепляется рука.

— Нравится?

Если вы отвечаете восторженными похвалами, старик нетерпеливо смотрит на вас и только ждет, когда вы кончите, чтобы спросить снова:

— Я говорю, нравится вам это?

И когда вы, улыбаясь, киваете головой, старик, сияя от гордости, делает величавый жест и кричит:

— Это я сделал!

В коридоре любого из тысячи обширных отелей; в читальном зале замечательной библиотеки, где вам бесплатно сделают копию любой книги, которую вы потребуете; на одиннадцатом ярусе зала Бетховена — везде к вам, прихрамывая и волоча ноги, подходит привидение, вцепляется вам в руку и задает все тот же вопрос.

А потом восклицает с гордостью:

— Это я сделал!

Эрлин Бак почувствовал за спиной ее присутствие, но не обернулся. Он наклонился вперед, извлекая левой рукой из мультикорда рокочущие басовые звуки, пальцами правой — торжественную мелодию. Молниеносным движением он дотронулся до одной из клавиш, и высокие дискантовые ноты внезапно стали полными, звучными, почти как звуки кларнета. («Но, господи, как не похоже на кларнет!» — подумал он).

— Опять начинается, Вэл? — спросил он.

— Утром приходил хозяин дома.

Эрлин поколебался, тронул клавишу, потом еще не-

сколько клавиш, и гулкие звуки сплелись в причудливую гармонию духового оркестра. (Но какой слабый, непохожий на себя оркестр!)

— Какой срок он дает на этот раз?

— Два дня. И синтезатор пищи опять сломался.

— Вот и хорошо. Сбегай, купи свежего мяса.

— На что?

Он стукнул кулаками по клавиатуре и закричал, перекрывая своим голосом резкий диссонанс:

— Не буду я пользоваться гармонизатором! Не дам я поденщикам себя аранжировать! Если коммерс выходит под моим именем, он должен быть сочинен. Он может быть идиотским, тошнотворным, но он будет сделан хорошо. Видит бог, это немного, но это все, что у меня осталось!

Он медленно повернулся и посмотрел на нее — бледную, увядающую, измученную женщину, которая двадцать пять лет была его женой. Затем снова отвернулся, упрямо говоря себе, что виноват не больше, чем она. Раз заказчики реклам платят за хорошие коммерсы столько же, сколько за поденщину...

— Халси придет сегодня? — спросила она.

— Сказал, что придет.

— Достать бы денег заплатить за квартиру...

— И за синтезатор пищи. И за новый видеоскоп. И за новую одежду. Есть же предел тому, что можно купить ценой одного коммерса!?

Он услышал, как она уходит, как открывается дверь, и ждал. Дверь не затворялась.

— Уолтер-Уолтер звонил,— сказала она.— Сегодняшнее ревю он посвящает тебе.

— Ах, вот как? Но ведь это бесплатно.

— Я так и думала, что ты не захочешь смотреть, поэтому договорилась с миссис Ренник, пойду с ней.

— Конечно. Развлекись.

Дверь затворилась.

Бак поднялся и поглядел на свой рабочий стол. На нем в хаотическом беспорядке валялись нотная бумага, тексты коммерсов, карандаши, наброски, наполовину законченные рукописи. Их неопрятные кипы угрожали сползти на пол. Бак расчистил уголок и устало присел, вытянув длинные ноги под столом.

— Проклятый Халси,— пробормотал он.— Прокля-

тые заказчики. Проклятые видеоскопы. Проклятые коммерсы.

Ну, напиши же что-нибудь. Ты ведь не поденщик, как другие музыкоделы. Ты не штампуешь свои мелодии на клавиатуре гармонизатора, чтобы машина их за тебя гармонизировала. Ты же музыкант, а не торговец мелодиями. Напиши музыку. Напиши — ну, хотя бы сонату для мультикорда. Выбери время и напиши.

Взгляд его упал на первые строчки текста коммерса: «Если флаер барахлит, если прямо не летит...»

— Проклятый хозяин,— пробормотал он, протягивая руку за карандашом.

Прозвонили крошечные стенные часы, и Бак наклонился, чтобы включить видеоскоп. Ему заискивающе улыбнулось ангельское лицо церемониймейстера.

— Снова перед вами Уолтер-Уолтер, леди и джентльмены! Сегодняшнее обозрение посвящено коммерсам. Тридцать минут коммерсов одного из самых талантливых современных музыкоделов. Сегодня в центре нашего внимания...

Резко прозвучали фанфары — поддельная медь мультикорда.

— ...Эрлин Бак!

Мультикорд заиграл причудливую мелодию, которую Бак написал пять лет назад для рекламы Тэмперского сыра, раздались аплодисменты. Гнусавое сопрано запело, и несчастный Бак застонал про себя. «Самый выдержанный сыр — сыр, сыр, сыр. Старый выдержанный сыр — сыр, сыр, сыр».

Уолтер-Уолтер носился по сцене, двигаясь в такт мелодии, сбегая в зал, чтобы поцеловать какую-нибудь почтенную домохозяйку, пришедшую сюда отдохнуть, и сияя под взрывы хохота.

Снова прозвучали фанфары мультикорда, и Уолтер-Уолтер, прыгнув обратно на сцену, распростер руки над головой.

— Слушайте, дорогие зрители! Очередная сенсация вашего Уолтера-Уолтера — Эрлин Бак.

Он таинственно оглянулся через плечо, сделал на цыпочках несколько шагов вперед, приложил палец к губам и громко сказал:

— Давным-давно жил-был еще один композитор, по имени Бах. Он был, говорят, настоящий атомный музы-

кодел, этот парень. Жил он что-то не то четыре, не то пять, не то шесть столетий назад, но есть все основания предполагать, что Бах и Бак ходили бы в наше время бок о бок. Мы не знаем, каков был Бах, но нас вполне устраивает Бак. Вы согласны со мной?

Возгласы. Аплодисменты. Бак отвернулся, руки его дрожали, отвращение душило его.

— Начинаем концерт Бака с маленького шедевра, который Бак создал для Пенистого мыла. Оформление Брюса Комбза. Смотрите и слушайте!

Бак успел выключить видеоскоп как раз в тот момент, когда через экран пролетала первая порция мыла. Он снова взялся за текст коммерса, и в его голове начала формироваться ниточка мелодии: «Если флаер барахлит, если прямо не летит — не летит, не летит — вы нуждаетесь в услугах фирмы Вэйринг!»

Тихонько мыча про себя, он набрасывал ноты, которые то взбегали по линейкам, то устремлялись вниз, как неисправный флаер. Это называлось музыкой слов в те времена, когда слова и музыка что-то значили, когда не Бак, а Бах искал выражение таким грандиозным понятиям, как рай и ад.

Бак работал медленно, время от времени проверяя звучание мелодии на мультикорде, отбрасывая целые пассажи, напряженно пытаясь найти грохочущий аккомпанемент, который подражал бы звуку флаера. Но нет: фирме Вэйринга это не понравится. Ведь они широко оповещали, что их флаеры бесшумны.

Вдруг он понял, что дверной звонок уже давно нетерпеливо звонит. Он щелкнул тумблером, и ему улыбнулось пухлое лицо Халси.

— Поднимайся! — сказал ему Бак. Халси кивнул и исчез.

Через пять минут он, переваливаясь, вошел, опустился на стул, который осел под его массивным телом, бросил свой чемоданчик на пол и вытер лицо.

— У-ф-ф! Хотел бы я, чтоб вы перебрались пониже. Или хоть в такой дом, где были бы современные удобства. До смерти боюсь этих старых лифтов.

— Я собираюсь переехать,— сказал Бак.

— Прекрасно. Самое время.

— Но, возможно, куда-нибудь еще выше. Хозяин дал мне двухдневный срок.

Халси поморщился и печально покачал головой.

— Понятно. Ну что же, не буду держать тебя в нетерпении. Вот чек за коммерс о мыле Сана-Соуп.

Бак взял чек, взглянул на него и нахмурился.

— Ты не платил взносов в союз,— сказал Халси.— Пришлось, знаешь, удержать...

— Да. Я и забыл...

— Люблю иметь дело с Сана-Соуп. Сейчас же получаешь деньги. Многие фирмы ждут конца месяца. Сана-Соуп — тоже не бог весть что, однако они заплатили.

Он щелкнул замком чемоданчика и вытащил оттуда папку.

— Здесь у тебя есть несколько хороших трюков, Эрлин, мой мальчик. Им это понравилось. Особенно вот это, в басовой партии: «Пенье пены, пенье пены». Сначала они возражали против количества певцов, но только до прослушивания. А вот здесь им нужна пауза для объявления.

Бак посмотрел и кивнул.

— А что если оставить это остинато — «пенье пены, пенье пены» — как фон к объявлению?

— Прозвучит недурно. Это здорово придумано. Как, бишь, ты это назвал?

— Остинато.

— А-а, да. Не понимаю, почему другие музыкоделы этого не умеют.

— Гармонизатор не дает таких эффектов,— сухо сказал Бак.— Он только гармонизирует.

— Дай им секунд тридцать этого «пенья пены» в виде фона. Они могут вырезать его, если не понравится.

Бак кивнул и сделал пометку на рукописи.

— Да, еще аранжировка,— продолжал Халси.— Очень жаль, Эрлин, но мы не можем достать исполнителя на французском рожке. Придется заменить эту партию.

— Нет исполнителя на рожке? А чем плох Ренник?

— В черном списке. Союз исполнителей занес его в черный список. Он отправился гастролировать на Западный берег. Играл даром, даже расходы сам оплатил. Вот его и занесли в список.

— Припоминаю,— задумчиво протянул Бак.— Общество памятников Искусства. Он сыграл им концерт Моцарта для рожка. Для них это тоже был последний концерт. Хотел бы я его услышать, хотя бы на мультикорде...

— Теперь-то он может играть его сколько угодно, но ему никогда больше не заплатят за исполнение. Так вот — переработай эту партию рожка для мультикорда, а то достану для тебя трубача. Он мог бы играть с конвертером.

— Это испортит весь эффект.

Халси усмехнулся:

— Звучит совершенно одинаково для всех, кроме тебя, мой мальчик. Даже я не вижу разницы. У нас есть скрипки и виолончель. Чего тебе еще нужно?

— Неужели и в лондонском союзе нет исполнителя на рожке?

— Ты хочешь, чтоб я притащил его сюда для одного трехминутного коммерса? Будь благоразумен, Эрлин! Можно зайти за этим завтра?

— Да. Утром будет готово.

Халси потянулся за чемоданчиком, снова бросил его и нагнулся вперед.

— Эрлин, я о тебе беспокоюсь. В моем агентстве двадцать семь музыкоделов. Ты зарабатываешь меньше всех! За прошлый год ты получил 2200. А у остальных самый меньший заработок был 11 тысяч.

— Это для меня не новость,— сказал Бак.

— Может быть. У тебя не меньше заказчиков, чем у любого другого. Ты это знаешь?

— Нет,— сказал Бак.— Нет, этого я не знал.

— А это так и есть. Но денег ты не зарабатываешь. Хочешь знать, почему? Причины две. Ты тратишь слишком много времени на каждый коммерс и пишешь их слишком хорошо. Заказчики могут использовать один твой коммерс много месяцев — иногда даже несколько лет, как тот, о Тэмперском сыре. Люди любят их слушать. А если бы ты не писал так дьявольски хорошо, ты мог бы работать быстрее, заказчикам приходилось бы брать больше твоих коммерсов, и ты больше заработал бы.

— Я думал об этом. А если бы и нет, то Вэл все равно бы мне об этом напомнила. Но это бесполезно. Иначе я не могу. Вот если бы как-нибудь заставить заказчика платить за хороший коммерс больше...

— Невозможно! Союз не поддержит этого, потому что хорошие коммерсы означают меньше работы, да большинство музыкоделов и не смогут написать действительно хороший коммерс. Не думай, что меня беспокоят только

дела моего агентства. Конечно, и мне выгоднее, когда ты больше зарабатываешь, но мне хватает других музыкоделов. Мне просто неприятно, что мой лучший работник получает так мало. Ты какой-то отсталый, Эрлин. Тратишь время и деньги на собирание этих древностей — как, бишь, их называют?

— Патефонные пластинки.

— Да. И эти заплесневелые старые книги о музыке. Я не сомневаюсь, что ты знаешь о музыке больше, чем кто угодно, но что это тебе дает? Конечно уж, не деньги. Ты лучше всех, и стараешься стать еще лучше, но чем лучше ты становишься, тем меньше зарабатываешь. Твой доход падает с каждым годом. Не мог бы ты время от времени становиться посредственностью?

— Нет,— сказал Бак.— У меня это не получится.

— Подумай хорошенько.

— Да, насчет этих заказчиков. Некоторым действительно нравится моя работа. Они платили бы больше, если бы союз разрешил. А если мне выйти из союза?

— Нельзя, мой мальчик. Я бы не смог брать твои вещи— во всяком случае, я бы скоро остался не у дел. Союз музыкоделов нажал бы, где надо, а союзы исполнителей и текстовиков внесли бы тебя в черный список. Джемс Дентон заодно с союзами, и он снял бы твои вещи с видеоскопа. Ты живо потерял бы все заказы. Ни одному заказчику не под силу бороться с такими осложнениями, да никто и не захочет ввязываться. Так что постарайся время от времени быть посредственностью. Подумай об этом.

Бак сидел, уставившись в пол.

— Я подумаю.

Халси с трудом встал, обменялся с Баком коротким рукопожатием и проковылял к двери. Бак медленно поднялся и открыл ящик стола, в котором он хранил свою жалкую коллекцию старинных пластинок. Странная и удивительная музыка...

Трижды за всю свою карьеру Бак писал коммерсы, которые звучали по полчаса. Изредка у него бывали заказы на пятнадцать минут. Но обычно он был ограничен пятью минутами или того меньше. А ведь композиторы вроде этого Баха писали вещи, которые исполнялись по часу или больше — и писали даже без текста!

Они писали для настоящих инструментов, даже для некоторых необычно звучащих инструментов, на которых

никто уже больше не играет, вроде фаготов, пикколо роялей.

«Проклятый Дентон! Проклятый видеоскоп! Проклятые союзы!»

Бак с нежностью перебирал пластинки, пока не нашел одну с именем Баха. «Магнификат». Потом он отложил ее — у него было слишком подавленное настроение, чтобы слушать.

Шесть месяцев назад Союз исполнителей занес в черный список последнего гобоиста. Теперь — последнего исполнителя на рожке, а среди молодежи никто больше не учится играть на инструментах. Зачем, когда есть столько чудесных машин, воспроизводящих коммерсы без малейшего усилия исполнителя? Даже мультикордистов стало совсем мало, а мультикорд мог, при желании, играть автоматически.

Бак стоял, растерянно оглядывая всю комнату, от мультикорда до рабочего стола и потрепанного шкафа из пластика, где стояли его старинные книги по музыке. Дверь распахнулась, поспешно вошла Вэл.

— Халси уже был?

Бак вручил ей чек. Она взяла его, с нетерпением взглянула и разочарованно подняла глаза.

— Мои взносы в союз,— пояснил он.— Я задолжал.

— А-а. Ну, все-таки это хоть что-то.

Ее голос был вял, невыразителен, как будто еще одно разочарование не имело значения. Они стояли, неловко глядя друг на друга.

— Я смотрела часть «Утра с Мэриголд»,— сказала Вэл.— Она говорила о твоих коммерсах.

— Скоро должен быть ответ насчет того коммерса о табаке Сло,— сказал Бак.— Может быть, мы уговорим хозяина подождать еще неделю. А сейчас я пойду прогуляюсь.

— Тебе бы надо больше гулять...

Он закрыл за собой дверь, старательно обрезав конец ее фразы. Он знал, что будет дальше. Найди где-нибудь работу. Заботься о своем здоровье и проводи на свежем воздухе несколько часов в день. Пиши коммерсы в свободное время — ведь они не приносят больших доходов. Хотя бы до тех пор, пока мы не встанем на ноги. А если ты не желаешь, я сама пойду работать.

Но дальше слов она не шла. Нанимателю достаточно

было бросить один взгляд на ее тщедушное тело и усталое угрюмое лицо. И Бак сомневался, что с ним обошлись бы хоть сколько-нибудь лучше.

Он мог бы работать мультикордистом и прилично зарабатывать. Но тогда придется вступить в союз исполнителей, а значит, выйти из союза музыкоделов. Если он это сделает, он больше не сможет писать коммерсы.

«Проклятые коммерсы!»

Выйдя на улицу, он с минуту постоял, наблюдая за толпами, проносившимися мимо по быстро движущемуся тротуару. Кое-кто бросал беглый взгляд на этого высокого, неуклюжего, лысеющего человека в потертом, плохо сидящем костюме. Бак втянул голову в плечи и неуклюже зашагал по неподвижной обочине. Он знал, что его примут за обычного бродягу и что все будут поспешно отводить взгляд, мурлыкая про себя отрывки из его коммерсов.

Он свернул в переполненный ресторан, нашел себе столик и заказал пива. На задней стене был огромный экран видеоскопа, где коммерсы следовали один за другим без перерыва. Некоторое время Бак прислушивался к ним — сначала ему было интересно, что делают другие музыкоделы, потом его охватило отвращение.

Посетители вокруг него смотрели и слушали, не отрываясь от еды. Некоторые судорожно кивали головами в такт музыке. Несколько молодых пар танцевали на маленькой площадке, умело меняя темп, когда кончался один коммерс и начинался другой.

Бак грустно наблюдал за ними и думал о том, как все переменилось. Когда-то, он знал, была специальная музыка для танцев и специальные группы инструментов для ее исполнения. И люди тысячами ходили на концерты, сидели в креслах и смотрели только на исполнителей.

Все это исчезло. Не только музыка, но и искусство, литература, поэзия. Пьесы, которые он читал в школьных учебниках своего деда, давно забыты.

«Видеоскоп Интернэйшнл» Джемса Дентона порешил, что люди должны одновременно смотреть и слушать. «Видеоскоп Интернейшнл» Джемса Дентона порешил, что при этом внимание публики не может выдержать длинной программы. И появились коммерсы.

Проклятые коммерсы!

Час спустя, когда Вэл вернулась домой, Бак сидел в углу, разглядывая растрепанные книги, которые собирал

еще тогда, когда их печатали на бумаге — разрозненные биографии, книги по истории музыки, по теории музыки и композиции. Вэл дважды оглядела комнату, прежде чем заметила его, потом подошла к нему с тревожным, трагическим выражением лица.

— Сейчас придут чинить синтезатор пищи.

— Хорошо,— сказал Бак.

— Но хозяин не хочет ждать. Если мы не заплатим ему послезавтра, не заплатим всего,— нас выселят.

— Ну, выселят.

— Куда же мы денемся!? Ведь мы не сможем нигде устроиться, не заплатив вперед!

— Значит, нигде не устроимся.

Она с рыданием выбежала в спальню.

На следующее утро Бак подал заявление о выходе из союза музыкоделов и вступил в союз исполнителей. Круглое лицо Халси печально вытянулось, когда он узнал эту новость. Он дал Баку взаймы, чтобы уплатить вступительный взнос в союз и успокоить хозяина квартиры, и в красноречивых выражениях высказал свое сожаление, поспешно выпроваживая музыканта из своего кабинета. Бак знал, что Халси, не теряя времени, передаст его клиентов другим музыкоделам — людям, которые работали быстрее, но хуже. Бак отправился в Союз исполнителей, где просидел пять часов, ожидая направления на работу. Наконец, его провели в кабинет секретаря, который небрежно показал ему на кресло и подозрительно осмотрел его.

— Вы состояли в исполнительском союзе двадцать лет назад и вышли из него, чтобы стать музыкоделом. Верно?

— Верно,— сказал Бак.

— Через три года вы потеряли право очередности. Вы это знали, не так ли?

— Нет, но не думал, что это так важно. Ведь хороших мультикордистов не так-то много.

— Хорошей работы тоже не так-то много. Вам придется начать все сначала,— он написал что-то на листке бумаги и протянул его Баку.— Этот платит хорошо, но люди там плохо уживаются. У Лэнки не так-то просто работать. Посмотрим, может быть, вы не будете слишком раздражать его...

Бак снова оказался за дверью и стоял, пристально разглядывая листок.

На движущемся тротуаре он добрался до космопорта Нью-Джерси, поплутал немного в старых трущобах, с трудом находя дорогу, и наконец обнаружил нужное место почти рядом с зоной радиации космопорта. Полуразвалившееся здание носило следы давнего пожара. Под обветшалыми стенами сквозь осыпавшуюся штукатурку пробивались сорняки. Дорожка с улицы вела к тускло освещенному проему в углу здания. Кривые ступеньки вели вниз. Над головой светила яркими огнями огромная вывеска, обращенная в сторону порта: «ЛЭНКИ».

Бак спустился, вошел — и запнулся: на него обрушились неземные запахи. Лиловатый дым венерианского табака висел, как тонкое одеяло, посредине между полом и потолком. Резкие тошнотворные испарения марсианского виски заставили Бака отшатнуться. Бак едва успел заметить, что здесь собрались загулявшие звездолетчики с проститутками, прежде чем перед ним выросла массивная фигура швейцара с карикатурным подобием лица, изборожденным шрамами.

— Кого-нибудь ищете?

— Мистера Лэнки.

Швейцар ткнул большим пальцем в сторону стойки и шумно отступил обратно в тень. Бак пошел к стойке.

Он легко нашел Лэнки. Хозяин сидел на высоком табурете позади стойки и, вытянув голову, холодно смотрел на подходившего Бака. Его бледное лицо в тусклом дымном освещении было напряженно и угрюмо. Он облокотился о стойку, потрогал свой расплющенный нос двумя пальцами волосатой руки и уставился на Бака налитыми кровью глазами.

— Я Эрлин Бак,— сказал Бак.

— А-а. Мультикордист. Сможешь играть на этом мультикорде, парень?

— Конечно, я же умею играть.

— Все так говорят. А у меня, может быть, только двое за последние пять лет действительно умели. Большей частью приходят сюда и воображают, что поставят эту штуку на автоматическое управление, а сами будут тыкать по клавишам одним пальцем. Я хочу, чтобы на этом мультикорде *играли*, парень, и прямо скажу — если не умеешь играть, лучше сразу отправляйся домой, потому что в

моем мультикорде нет автоматического управления. Я его выломал.

— Я умею играть,— сказал ему Бак.

— Хорошо, это скоро выяснится. Союз расценивает это место по четвертому классу, но я буду платить по первому, если ты умеешь играть. Если ты действительно умеешь играть, я подброшу тебе прибавку, о которой союз не узнает. Работать с шести вечера до шести утра, но у тебя будет много перерывов, а если захочешь есть или пить — спрашивай все, что угодно. Только полегче с горячительным. Пьяница-мультикордист мне не нужен, как бы он ни был хорош. Роза!

Он проревел во второй раз, и из боковой двери вышла женщина. Она была в выцветшем халате, и ее спутанные волосы неопрятно свисали на плечи. Она повернула к Баку маленькое смазливое личико и вызывающе оглядела его.

— Мультикорд,— сказал Лэнки.— Покажи ему.

Роза кивнула, и Бак последовал за ней в глубину зала. Вдруг он остановился в изумлении.

— В чем дело? — спросила Роза.

— Здесь нет видеоскопа!

— Давно! Лэнки говорит, что звездолетчики хотят смотреть на что-нибудь получше мыльной пены и воздушных автомобилей,— она хихикнула.— На что-нибудь вроде меня, например.

— Никогда не слышал о ресторанах без видеоскопа.

— Я тоже, пока не поступила сюда. Зато Лэнки держит нас троих, чтобы петь коммерсы, а вы будете нам играть на мультикорде. Надеюсь, вы справитесь. У нас неделю не было мультикордиста, а без него трудно петь.

— Справлюсь,— сказал Бак.

Тесная эстрада тянулась в том конце зала, где в других ресторанах Бак привык видеть экран видеоскопа. Он заметил, что когда-то такой экран был и здесь. На стене еще виднелись его следы.

— У Лэнки было заведение на Венере, когда там еще не было видеоскопов,— сказала Роза.— У него свои представления о том, как нужно развлекать посетителей Хотите посмотреть свою комнату?

Бак не ответил. Он разглядывал мультикорд. Это был старый разбитый инструмент, немало повидавший на своем веку и носивший следы не одной пьяной драки. Бак по-

пробовал пальцем фильтры тембров и тихонько выругался про себя. Большинство их было сломано. Только кнопки флейты и скрипки щелкнули нормально. Итак, двенадцать часов в сутки он будет проводить за этим расстроенным и сломанным мультикордом.

— Хотите посмотреть свою комнату? — повторила Роза.— Еще только пять часов. Можно хорошенько отдохнуть перед работой.

Роза показала ему узкую каморку за стойкой. Он вытянулся на жесткой койке и попытался расслабиться. Очень скоро настало шесть часов, и Лэнки появился в дверях, маня его пальцем.

Он занял свое место за мультикордом и сидел, перебирая клавиши. Он не волновался. Не было таких коммерсов, которых бы он не знал, и за музыку он не опасался. Но его смущала обстановка. Облака дыма стали гуще, глаза у него щипало, а пары спирта раздражали ноздри при каждом глубоком вдохе.

Посетителей было еще мало: механики в перемазанных рабочих костюмах, щеголи-пилоты, несколько гражданских, предпочитавших крепкие напитки и не обращавших никакого внимания на окружающее. И женщины. По две женщины, заметил он, на каждого мужчину в зале.

Внезапно в зале наступило оживление, послышались возгласы одобрения, нетерпеливое постукиванье ног. На эстраду поднялся Лэнки с Розой и другими певицами. Сначала Бак пришел в ужас: ему показалось, что девушки обнажены; но когда они подошли ближе, он разглядел их коротенькие пластиковые одежды. А Лэнки прав, подумал он. Звездолетчики предпочтут смотреть на них, а не на коммерсы в лицах на экране.

— Розу ты уже знаешь,— сказал Лэнки.— Это Занна и Мэй. Давайте начинать.

Он ушел, а девушки собрались у мультикорда.

— Какие коммерсы вы знаете? — спросила Роза.

— Я их все знаю.

Она посмотрела на него с сомнением.

— Мы поем все вместе, а потом по очереди. А вы... вы уверены, что вы их все знаете?

Бак нажал педаль и взял аккорд.

— Вы себе пойте, а я не подведу.

— Мы начнем с коммерса о вкусном солоде. Он звучит вот так,— она тихонько напела мелодию.— Знаете?

— Я его написал,— сказал Бак.

Они пели лучше, чем он ожидал. Аккомпанировать им было нетрудно, и он мог следить за посетителями. Головы покачивались в такт музыке. Он быстро уловил общее настроение и начал экспериментировать. Пальцы его сами изобрели раскатистое ритмичное сопровождение в басах. Нащупав ритм, он заиграл в полную силу. Основную мелодию он бросил, предоставив девушкам самим вести ее, а сам прошелся по всей клавиатуре, чтобы расцветить мощный ритмический рисунок.

В зале начали притопывать ногами. Девушки на сцене раскачивались, и Бак почувствовал, что он сам покачивается взад и вперед, захваченный безудержной музыкой. Девушки допели слова, а он продолжал играть, и они начали снова. Звездолетчики повскакали на ноги, хлопая в ладоши и раскачиваясь. Некоторые подхватили своих женщин и начали танцевать в узких проходах между столами. Наконец, Бак исполнил заключительный каданс и опустил голову, тяжело дыша и вытирая лоб. Одна из девушек свалилась без сил прямо на сцене, и другие помогли ей подняться. Они убежали под бешеные аплодисменты.

Бак почувствовал чью-то руку на своем плече. Лэнки. Без всякого выражения на безобразном лице он взглянул на Бака, повернулся, чтобы оглядеть взволнованных посетителей, снова повернулся к Баку, кивнул и ушел.

Роза вернулась одна, все еще тяжело дыша.

— Как насчет коммерса о духах «Салли Энн»?

— Скажите слова,— попросил Бак.

Она продекламировала слова. Небольшая трагическая история о том, как расстроился роман одной девушки, которая не употребляла «Салли Энн».

— Заставим их плакать? — предложил Бак.— Только сосредоточьтесь. История печальная, и мы заставим их заплакать.

Она встала у мультикорда и жалобно запела. Бак повел тихий проникновенный аккомпанемент и, когда начался второй куплет, сымпровизировал затухающую мелодию. Звездолетчики тревожно притихли. Мужчины не плакали, но кое-кто из женщин громко всхлипывал, и, когда Роза кончила, наступило напряженное молчание.

— Живо,— прошипел Бак.— Поднимем настроение. Пойте что-нибудь — что угодно!

Она принялась за другой коммерс, и Бак заставил звездолетчиков вскочить на ноги захватывающим ритмом своего аккомпанемента.

Одна за другой выступали девушки, а Бак рассеянно поглядывал на посетителей, потрясенный таинственной силой, исходившей из его пальцев. Импровизируя и экспериментируя, он вызывал у людей самые противоположные чувства. А в голове у него неуверенно шевелилась одна мысль.

— Пора сделать перерыв,— сказала наконец Роза.— Лучше возьмите-ка чего-нибудь поесть.

Семь тридцать. Полтора часа непрерывной игры. Бак почувствовал, что его силы и чувства иссякли, равнодушно взял поднос с обедом и отнес его в каморку, которая называлась его комнатой. Голода он не чувствовал. Он с сомнением принюхался к еде, попробовал ее — и жадно проглотил. Настоящая еда, после многих месяцев синтетической!

Он немного посидел на койке, раздумывая, сколько времени отдыхают девушки между выступлениями. Потом пошел искать Лэнки.

— Не хочется мне зря сидеть,— сказал он.— Не возражаете, чтобы я поиграл?

— Без девушек?

— Да.

Лэнки облокотился обеими руками на стойку, забрал подбородок в кулак и некоторое время сидел, глядя отсутствующим взглядом на противоположную стенку.

— Сам будешь петь? — спросил он наконец.

— Нет. Только играть.

— Без пения? Без слов?

— Да.

— Что ты будешь играть?

— Коммерсы. Или, может быть, что-нибудь импровизировать.

Долгое молчание. Потом:

— Думаешь, что сможешь играть, пока девушек нет?

— Конечно, смогу.

Лэнки по-прежнему сосредоточенно смотрел на противоположную стенку. Его брови сошлись, потом разошлись и сошлись снова.

— Ладно,— сказал он.— Странно, что я сам до этого не додумался.

Бак незаметно занял свое место у мультикорда. Он тихо заиграл, сделав музыку неназойливым фоном к шумным разговорам, наполнявшим зал. Когда он усилил звук, лица повернулись к нему.

Он размышлял о том, что думают эти люди, впервые в жизни слыша музыку, не имеющую отношения к коммерсу, музыку без слов. Он напряженно наблюдал и был доволен тем, что овладел их вниманием. А теперь — может ли он заставить их подняться с мест одними только лишенными жизни тонами мультикорда? Он придал мелодии четкий ритмический рисунок, и в зале начали притопывать ногами.

Когда он снова усилил звук, Роза выскочила из-за двери и поспешила на сцену. Ее бойкая физиономия выражала растерянность.

— Все в порядке,— сказал ей Бак.— Я просто играю, чтобы развлечься. Не выходите, пока не будете готовы.

Она кивнула и ушла. Краснолицый звездолетчик около сцены посмотрел снизу на четкие контуры ее юного тела и ухмыльнулся. Как зачарованный, Бак впился глазами в грубую, требовательную похоть на его лице, а руки его бегали по клавиатуре в поисках ее выражения. Так? Или так? Или..

Вот оно! Тело его раскачивалось, и он почувствовал, что сам попал под власть безжалостного ритма. Он нажал ногой регулятор громкости и повернулся, чтобы посмотреть на посетителей.

Все глаза, как будто в гипнотическом трансе, были устремлены в его угол. Бармен застыл наклонившись, разинув рот. Чувствовалось какое-то волнение, было слышно напряженное шарканье ног, нетерпеливый скрип стульев. Нога Бака еще сильнее надавила на регулятор.

С ужасом наблюдал он за тем, что происходило внизу. Похоть исказила лица. Мужчины вскакивали, тянулись к женщинам, хватали их, обнимали. С грохотом свалился стул, за ним стол, но никто, казалось, не замечал этого. С какой-то женщины, бешено развеваясь, слетело на пол платье. А пальцы Бака все носились по клавишам, не подчиняясь больше его власти.

Невероятным усилием он оторвался от клавиш. В зале, точно гром, разразилось молчание. Он начал тихо наигрывать дрожащими пальцами что-то бесцветное. Когда он снова взглянул в зал, порядок был восстановлен. Стол

и стул стояли на местах, и посетители сидели, явно чувствуя облегчение — все, кроме одной женщины, которая в очевидном смущении поспешно натягивала платье.

Бак продолжал играть спокойно, пока не вернулись девушки.

Шесть часов утра. Тело ломило от усталости, руки болели, ноги затекли. Бак с трудом спустился вниз. Лэнки стоял, поджидая его.

— Оплата по первому классу,— сказал он.— Будешь работать у меня сколько хочешь. Но полегче с этим, ладно?

Бак подумал о Вэл, съежившейся в мрачной комнате, живущей на синтетической пище.

— Не будет считаться нарушением правил, если я попрошу аванс?

— Нет, — сказал Лэнки.— Не будет. Я сказал кассиру, чтобы выдал тебе сотню, когда будешь уходить. Считай это премией.

Усталый от долгой поездки на движущемся тротуаре, Бак тихонько вошел в свою полутемную комнату и огляделся. Вэл не видно — еще спит. Он сел к своему мультикорду и тронул клавишу.

Невероятно. Музыка без коммерсов, без слов может заставить людей смеяться и плакать, и танцевать, и сходить с ума.

И она же может превратить их в непристойных животных.

Дивясь этому, он заиграл мелодию, которая вызвала такую откровенную похоть, играл ее все громче, громче.

Почувствовав руку у себя на плече, он обернулся и увидел искаженное страстью лицо Вэл...

...Он пригласил Халси прийти послушать его на следующий же вечер, и Халси сидел в его комнатушке, тяжело опустившись на койку, и все вздрагивал.

— Это несправедливо. Никто не должен иметь такой власти над людьми. Как ты это делаешь?

— Не знаю,— сказал Бак.— Я увидел парочку, которая там сидела, они были счастливы, и я почувствовал их счастье. И когда я заиграл, все в зале стали счастливы. А потом вошла другая пара, они ссорились — и я заставил всех потерять голову.

— За соседним столиком чуть не начали драться,— сказал Халси.— А уж то, что ты устроил потом...

— Да, но вчера это было еще сильнее. Посмотрел бы ты на это вчера!

Халси опять содрогнулся.

— У меня есть книга о греческой музыке,— сказал Бак.— Древняя Греция — очень давно. У них было нечто, что они называли «этос». Они считали, что различные звукосочетания действуют на людей по-разному. Музыка может делать людей печальными или счастливыми, или приводить их в восторг, или сводить с ума. Они даже утверждали, что один музыкант, которого звали Орфей, мог двигать деревья и размягчать скалы своей музыкой. Теперь слушай. Я получил возможность экспериментировать и заметил, что игра моя производит самое большое действие, когда я не пользуюсь фильтрами. На этом мультикорде все равно работают только два фильтра — флейта и скрипка,— но когда я пользуюсь любым из них, люди не так сильно реагируют. И я думаю — может быть, не звукосочетания, а сами греческие инструменты производили такой эффект. Может быть, тембр мультикорда без фильтров имеет что-то общее с тембром древнегреческой кифары или...

Халси фыркнул.

— А я думаю, что дело не в инструментах и не в звукосочетаниях. Я думаю, дело в Баке, и мне это не нравится. Надо было тебе остаться музыкоделом.

— Я хочу, чтоб ты мне помог,— сказал Бак.— Хочу найти помещение, где можно собрать много народу — тысячу человек по крайней мере, не для того, чтобы есть и смотреть коммерсы, а чтобы просто слушать, как один человек играет на мультикорде.

Халси резко поднялся.

— Бак, ты опасный человек. Будь я проклят, если стану доверять тому, кто заставил меня испытать такое, как ты сегодня. Не знаю, что ты собираешься затеять, но я в этом не участвую.

Он вышел с таким видом, будто собирался хлопнуть дверью. Но мультикордист из ресторанчика Лэнки не заслуживал такой роскоши, как дверь в своей комнате. Халси нерешительно потоптался на пороге и исчез. Бак последовал за ним и стоял, глядя, как тот нетерпеливо пробирается к выходу мимо столиков.

Лэнки, смотревший на Бака со своего места за стойкой, взглянул вслед уходящему Халси.

— Неприятности? — спросил он.

Бак устало отвернулся.

— Я знал этого человека двадцать лет. Никогда я не считал его своим другом. Но и не думал, что он мой враг.

— Иногда такое случается,— сказал Лэнки.

Бак тряхнул головой.

— Хочу отведать марсианского виски. Никогда его не пробовал.

За две недели Бак окончательно утвердился в ресторанчике Лэнки. Зал бывал битком набит с того момента, как он приступал к работе, и до тех пор, пока он не уходил утром. Когда он играл один, он забывал о коммерсах и исполнял все, что хотел. Как-то он даже сыграл посетителям несколько пьес Баха и был награжден щедрыми аплодисментами — хотя им и было далеко до неистового энтузиазма, обычно сопровождавшего его импровизации.

Сидя за стойкой, поедая свой ужин и наблюдая за посетителями, Бак смутно чувствовал себя счастливым. Впервые за много лет у него было много денег. И работа ему нравилась.

Он начал думать о том, как бы совсем избавиться от коммерсов.

Когда Бак отставил поднос в сторону, он увидел, как швейцар Бифф выступил вперед, чтобы приветствовать очередную пару посетителей, но внезапно споткнулся и попятился, остолбенев от изумления. И не удивительно: вечерние туалеты в кабачке Лэнки!

Пара прошла в зал, щурясь в тусклом, дымном свете, но с любопытством оглядываясь кругом. Мужчина был бронзовый от загара и красивый, но никто не обратил на него внимания. Поразительная красота женщины метеором блеснула в этой грязной обстановке. Она двигалась в ореоле сверкающего очарования. Ее благоухание заглушило зловоние табака и виски. Ее волосы отливали золотом, мерцающее, ниспадающее платье соблазнительно облегало ее роскошную фигуру.

Бак вгляделся и вдруг узнал ее. Мэриголд, или «Утро с Мэриголд». Та, кому поклонялись миллионы слушателей

ее программ во всей Солнечной системе. Как говорили, любовница Джемса Дентона, короля видеоскопа. Мэриголд Мэннинг.

Она подняла руку к губам, притворяясь испуганной, и чистые звуки ее дразнящего смеха рассыпались среди зачарованных звездолетчиков.

— Что за странное место! — сказала она.— Слыхали вы когда-нибудь о чем-то подобном?

— Я хочу марсианского виски, черт побери,— пробормотал мужчина.

— Как глупо, что в портовом баре уже ничего нет. Да еще столько кораблей прилетает с Марса. Вы уверены, что мы успеем вернуться вовремя? Ведь Джимми будет вне себя, если нас не будет, когда приземлится его корабль.

Лэнки тронул Бака за руку.

— Уже седьмой час,— сказал он, не спуская глаз с Мэриголд Мэннинг.— Они торопятся.

Бак кивнул и вышел к мультикорду. Увидев его, посетители разразились криками. Садясь, Бак увидел, что Мэриголд Мэннинг и ее спутник глядят на него, разинув рты. Внезапный взрыв восторга удивил их, и они отвернулись от топающих и вопящих посетителей, чтобы посмотреть на этого странного человека, который вызвал такой необузданный восторг.

Сквозь шум резко прозвучало восклицание мисс Мэннинг:

— Какого дьявола!

Бак пожал плечами и начал играть. Когда мисс Мэннинг, наконец, ушла, обменявшись несколькими словами с Лэнки, ее спутник так и не получил своего марсианского виски.

На следующий вечер Лэнки встретил Бака двумя полными пригоршнями телеграмм.

— Вот это да! Видел сегодня утром передачу этой дамочки Мэриголд?

— Да я как будто не смотрел видеоскопа с тех пор, как начал здесь работать.

— Если тебя это интересует, знай, что ты был — как она эта назвала? — сенсацией Мэриголд в сегодняшней передаче. Эрлин Бак, знаменитый музыкодел, теперь

играет на мультикорде в занятном маленьком ресторанчике Лэнки. Если хотите послушать удивительную музыку, поезжайте в Ньюджерсийский космопорт и послушайте Бака. Не упустите этого удовольствия. Это стоит целой жизни,— Лэнки выругался и помахал телеграммами.— Она назвала нас занятными. Теперь я получил десять тысяч предварительных заказов на столики, в том числе из Будапешта и Шанхая. А у нас пятьсот мест, считая стоячие. Черт бы побрал эту бабу! У нас и без нее дело шло так, что только поворачивайся.

— Вам надо помещение побольше,— сказал Бак.

— Да, между нами говоря, я уже присмотрел большой склад. Он вместит самое меньшее тысячу человек. Мы его приведем в порядок. Я заключу с тобой контракт, будешь отвечать за музыку.

Бак покачал головой.

— А что если открыть большое заведение в городе? Это привлечет людей, у которых больше денег. Вы будете хозяйничать, а я обеспечу посетителей.

Лэнки с торжественным видом погладил свой сплющенный нос.

— Как будем делиться?

— Пополам,— сказал Бак.

— Нет,— сказал Лэнки задумчиво.— Я играю честно, Бак, но пополам в таком деле будет несправедливо. Ведь я вкладываю весь капитал. Я дам тебе треть, и ты будешь заниматься музыкой.

Они оформили контракт у адвоката. У адвоката Бака. На этом настоял Лэнки.

В унылом полумраке раннего утра сонный Бак ехал на переполненном тротуаре домой. Было время пик, люди стояли вплотную друг к другу и сердито ворчали, когда соседи наступали им на ноги. Казалось, что толпа больше, чем обычно. Бак отбивался от толчков и ударов локтями, погруженный в свои мысли.

Пора найти себе жилье получше. Его вполне устраивала их убогая квартира, пока он не смог позволить себе лучшую, но Вэл уже не один год жаловалась. А теперь, когда они могли переехать и снять хорошую квартиру или даже купить маленький дом в Пенсильвании, Вэл отказалась. Говорит, не хочется расставаться с друзьями.

Бак размышлял о женской непоследовательности и вдруг сообразил, что приближается к дому. Он начал проталкиваться к более медленной полосе тротуара. Нажимая изо всех сил, пытаясь протиснуться между пассажирами, он заработал локтями — сначала осторожно, потом со злобой. Толпа вокруг него не поддавалась.

— Прошу прощения,— сказал Бак, делая еще одну попытку.— Мне здесь сходить.

На этот раз пара мускулистых рук преградила ему дорогу.

— Не сегодня, Бак. Тебя ждут в Манхеттене.

Бак бросил взгляд на сомкнувшиеся вокруг него лица. Неприветливые, угрюмые, ухмыляющиеся лица. Бак внезапно бросился в сторону, сопротивляясь изо всех сил,— но его грубо потащили обратно.

— В Манхеттен, Бак. А если хочешь на тот свет — твое дело.

— В Манхеттен,— согласился Бак.

У взлетной площадки они сошли с движущегося тротуара. Их ждал флаер — роскошная частная машина, номер которой давал право на большие льготы.

Они быстро полетели к Манхеттену, пересекая воздушные коридоры, и зашли на посадку на крыше здания «Видеоскоп Интернэйшнл». Бака поспешно спустили на антигравитационном лифте, повели по лабиринту коридоров и не слишком вежливо втолкнули в кабинет.

Огромный кабинет. Мало мебели: письменный стол, несколько стульев, стойка бара в углу, экран видеоскопа немыслимой величины и мультикорд. В комнате полно народу. Взгляд Бака пробежал по расплывшимся пятнам лиц и нашел одно, которое было ему знакомо: Халси.

Пухлый агент сделал два шага вперед и остановился, пристально глядя на Бака.

— Пришла пора посчитаться, Эрлин,— сказал он холодно.

Чья-то рука резко ударила по столу.

— Здесь я занимаюсь всеми расчетами, Халси! Садитесь, пожалуйста, мистер Бак.

Бак неловко расположился на стуле, который был откуда-то выдвинут вперед. Он ждал, устремив глаза на человека за столом.

— Меня зовут Джемс Дентон. Дошла ли моя слава до таких заброшенных дыр, как ресторанчик Лэнки?

— Нет,— сказал Бак.— Но я о вас слышал.

Джемс Дентон. Король «Видеоскоп Интернэйшнл». Безжалостный повелитель общественного вкуса. Ему было не больше сорока. Смуглое красивое лицо, сверкающие глаза и всегда готовая улыбка.

Он медленно кивнул, постучал сигарой о край стола и не спеша поднес ее ко рту. Со всех сторон к нему протянулись зажигалки. Он выбрал одну, не поднимая глаз, снова кивнул и глубоко затянулся.

— Я не стану утомлять вас, Бак, представляя вам собравшихся здесь. Некоторые из этих людей пришли сюда из деловых соображений. Некоторые — из любопытства. Я впервые услышал о вас вчера, и то, что я услышал, заставило меня подумать, что вы можете стать проблемой. Заметьте, я говорю — можете, вот это-то я и хочу выяснить. Когда передо мной проблема, Бак, я делаю одно из двух. Я или решаю ее или ликвидирую — и не трачу ни на то, ни на другое много времени.— Он усмехнулся.— Вы могли в этом убедиться хотя бы потому, что вас привели ко мне сразу, как только вы оказались, ну, скажем, в пределах досягаемости.

— Этот человек опасен, Дентон,— выпалил Халси.

Дентон сверкнул своей улыбкой.

— Я люблю опасных людей, Халси. Их полезно иметь около себя. Если я смогу использовать то, что есть у мистера Бака, что бы это ни было, я сделаю ему выгодное предложение. Уверен, что он примет его с благодарностью. Если я не смогу его использовать, я намерен сделать так, чтобы он, черт возьми, не причинял мне неудобств. Я выражаюсь ясно, Бак?

Бак молчал, уставившись в пол.

Дентон наклонился вперед. Его улыбка не дрогнула, но глаза сузились, а голос неожиданно стал ледяным.

— Я выражаюсь ясно, Бак?

— Да,— едва слышно пробормотал Бак.

Дентон ткнул большим пальцем в сторону двери, и половина присутствующих, включая Халси, торжественно, по одному, вышли. Остальные ждали, переговариваясь шепотом, пока Дентон пыхтел сигарой. Внезапно селектор Дентона прохрипел одно-единственное слово:

— Готово!

Дентон указал на мультикорд.

— Мы жаждем демонстрации вашего искусства, мистер Бак. И смотрите, чтоб это была настоящая демонстрация. Халси ведь слушает, и он нам скажет, если вы попытаетесь жульничать.

Бак кивнул и занял место за мультикордом. Он сидел, расслабив пальцы и усмехаясь при виде уставившихся на него со всех сторон лиц. Это были властители большого бизнеса, и никогда в жизни они не слышали настоящей музыки. Что касается Халси, да, Халси будет слушать его, но через селектор Дентона, через систему связи, предназначенную только для передачи разговора!

Кроме того, у Халси плохой слух.

Все еще усмехаясь, Бак тронул фильтр скрипки, снова попробовал его и остановился в нерешительности.

Дентон сухо рассмеялся.

— Я забыл поставить вас в известность, мистер Бак. По совету Халси мы отключили фильтры. Ну...

Бака охватил гнев. Он резко опустил ногу на регулятор громкости, вызывающе сыграл позывные видеоскопа и начал свой коммерс о Тэмперском сыре. С налитым кровью лицом Джемс Дентон наклонился вперед и что-то сердито проворчал. Сидящие возле него беспокойно зашевелились. Бак перешел к другому коммерсу, импровизировал несколько вариаций и начал наблюдать за лицами окружающих. Властители бизнеса. А забавно было бы, подумал он, заставить их танцевать и притопывать ногами. Его пальцы нащупали неотразимый ритм, и люди беспокойно закачались.

Он вдруг забыл об осторожности. Беззвучно смеясь про себя, он дал волю могучему потоку звуков, от которого эти люди пошли в пляс. Все нарастающий взрыв эмоций приковал их к месту в нелепых позах. Потом он заставил их неистово притопывать, вызвал слезы у них на глазах и закончил мощным ударом — тем, что Лэнки называл «сексуальной музыкой». Затем он застыл над клавиатурой в ужасе от того, что сделал.

Дентон вскочил с бледным лицом, то сжимая, то разжимая кулаки.

— Господи боже! — бормотал он.

Потом проревел в свой селектор:

— Реакция?

— Отрицательная,— последовал немедленный ответ.

— Кончаем.

Дентон сел, провел рукой по лицу и обернулся к Баку с вежливой улыбкой:

— Впечатляющее исполнение, мистер Бак. Через несколько минут мы узнаем... а вот и они!

Люди, которые прежде вышли, по одному вернулись в комнату. Несколько человек собрались в кучу, переговариваясь шепотом. Дентон встал из-за стола и зашагал по комнате. Остальные присутствующие, включая и Халси, стояли в неловком ожидании.

Бак остался за мультикордом, с беспокойством оглядывая комнату. Повернувшись, он случайно задел клавишу, и эта единственная нота оборвала разговоры, заставила Дентона резко повернуться, а Халси — в испуге сделать два шага к двери.

— Мистеру Баку не терпится,— воскликнул Дентон.— Нельзя ли покончить с этим?

— Минутку, сэр!

Наконец, они повернулись и выстроились в два ряда перед столом Дентона. Возглавлявший их седовласый человек ученого вида с нежно-розовым лицом неловко прокашлялся и ждал, пока Дентон даст знак начинать.

— Установлено,— сказал он,— что присутствовавшие в этой комнате подверглись сильному воздействию музыки. Те, кто слушал через селектор, не испытали ничего, кроме легкой скуки.

— Это-то всякий дурак мог установить,— буркнул Дентон.— А вот *как* он это делает?

— Мы можем предложить только рабочую гипотезу.

— А, так вы о чем-то догадываетесь? Валяйте!

— Эрлин Бак обладает способностью телепатически проецировать свои эмоциональные переживания. Когда эта проекция подкрепляется звуком мультикорда, те, кто находится непосредственно около него, испытывают необычайно сильные чувства. На тех, кто слушает его музыку в передаче на расстоянии, она не оказывает никакого действия.

— А видеоскоп?

— Игра Бака не произведет эффекта на слушателей видеоскопа.

— Понятно,— сказал Дентон. Он задумчиво нахмурился.— А как насчет длительного успеха?

— Это трудно предсказать...

— Предскажите же, черт возьми!

— Новизна его манеры играть сначала привлечет внимание. Со временем у него, вероятно, появится группа последователей, для которых эмоциональные переживания, связанные с его игрой, будут чем-то вроде наркотика.

— Благодарю, джентльмены,—сказал Дентон.— Это все.

Комната быстро опустела. Халси задержался на пороге, с ненавистью посмотрел на Бака и робко вышел.

— Значит, я не смогу вас использовать, Бак,— сказал Дентон.— Но вы, кажется, не представляете собой проблемы. Я знаю, что собираетесь делать вы с Лэнки. Скажи я хоть слово, никогда вам не найти помещения для нового ресторана. Я мог бы закрыть его ресторанчик сегодня к вечеру. Но едва ли это стоит труда. Я даже не стану настаивать на том, чтобы в вашем новом ресторане был экран видеоскопа. Если сможете создать свой культ — что ж, может быть, это отвратит ваших последователей от чего-нибудь похуже. Видите, я сегодня великодушен, Бак. А теперь вам лучше уйти, пока я не передумал.

Бак кивнул и поднялся. В эту минуту в комнату ворвалась Мэриголд Мэннинг, блистательно прекрасная, пахнущая экзотическими духами. Ее сверкающие светлые волосы были зачесаны кверху по последней марсианской моде.

— Джимми, милый — ой!

Она уставилась на Бака, на мультикорд и растерянно пробормотала:

— Как, вы... Да вы же Эрлин Бак! Джимми, почему ты мне не сказал?

— Мистер Бак оказал мне честь своим исполнением лично для меня,— сказал Дентон.— Я думаю, мы понимаем друг друга, Бак. Всего хорошего.

— Ты хочешь, чтобы он выступил по видеоскопу! — воскликнула мисс Мэннинг.— Джимми, это чудесно! Можно, сначала я его возьму? Я могу включить его в сегодняшнюю передачу.

Дентон медленно покачал головой.

— Очень жаль, дорогая. Мы установили, что талант мистера Бака... не совсем подходит для видеоскопа.

— Но я могу его пригласить хотя бы как гостя. Вы будете моим гостем, правда, мистер Бак? Ведь нет ничего плохого, если он будет выступать как гость, правда, Джимми?

Дентон усмехнулся.

— Нет. После всего этого шума, который ты устроила будет неплохо, если ты его пригласишь. Хорошую службу он тебе сослужит, когда провалится!

— Он не провалится. Он будет чудесен по видеоскопу. Вы придете сегодня, мистер Бак?

— Пожалуй...— начал Бак. Дентон выразительно кивнул.— Мы скоро открываем новый ресторан,— продолжал Бак.— Я бы не возражал быть вашим гостем в день открытия.

— Новый ресторан? Чудесно! Кто-нибудь уже знает? А то я выдам это в сегодняшней передаче как сенсацию!

— Это еще окончательно не улажено,— сказал Бак извиняющимся тоном,— мы еще не нашли помещения.

— Вчера Лэнки нашел помещение,— сказал Дентон.— Сегодня он подпишет договор об аренде. Только сообщите мисс Мэннинг день открытия, Бак, и она организует ваше выступление. А теперь, если вы не возражаете...

У Бака ушло полчаса на то, чтобы найти выход из здания, но он бесцельно бродил по коридорам, не желая спрашивать дорогу. Он счастливо напевал про себя и время от времени смеялся.

Властители большого бизнеса и их ученые ничего не знали о существовании обертонов.

— Так вот оно что,— сказал Лэнки.— Я думаю, нам повезло, Бак. Дентон должен был сделать свой ход, раз у него была возможность, когда я этого не ожидал. Когда же он сообразит, в чем дело, я постараюсь, чтобы было уже поздно.

— Что мы будем делать, если он действительно решит закрыть наше дело?

— У меня и у самого есть кое-какие связи, Бак. Правда, эти люди не вращаются в высшем свете, как Дентон, но они ничуть не менее бесчестны. А у Дентона есть куча врагов, которые нас с радостью поддержат. Он сказал, что мог бы закрыть меня к вечеру, а? Забавно. Мы вряд ли сможем чем-нибудь повредить Дентону, но можем сделать многое, чтобы он нам не повредил.

— Думаю, что и мы сами повредим Дентону,— сказал Бак.

Лэнки отошел к стойке и вернулся с высоким стаканом розовой пенящейся жидкости.

— Выпей,— сказал он.— У тебя был утомительный день, ты уже заговариваешься. Как это мы можем повредить Дентону?

— Коммерсы. Видеоскоп зависит от коммерсов. Мы покажем людям, что можно развлекаться без них. Мы сделаем нашим девизом «Никаких коммерсов в ресторане Лэнки».

— Здорово,— протянул Лэнки.— Я вкладываю тысячу в новые костюмы для девушек,— не выступать же им на новом месте в этих пластиковых штуках, ты же понимаешь,— а ты решил не давать им петь?

— Конечно же, они будут петь.

Лэнки склонил голову и погладил свой нос.

— И никаких коммерсов? Что же они тогда будут петь?

— Я взял кое-какие тексты из старых школьных учебников моего деда. Это называлось стихами, и я пишу на них музыку. Я хотел попробовать их здесь, но Дентон мог прослышать об этом, а нам не стоит ввязываться в неприятности раньше, чем нужно.

— Да. Побереги их до нового помещения. Ты вот будешь в передаче «Утро с Мэриголд» в день открытия. А ты точно знаешь насчет этих самых обертонов, Бак? Понимаешь, может, ты и в самом деле проецируешь эмоции? В ресторане-то, конечно, это все равно, а вот по видеоскопу...

— Я знаю точно. Когда мы сможем устроить открытие?

— На новом месте работают в три смены. Мы усадим 1200 человек, и останется еще место для хорошей танцплощадки. Все должно быть готово через две недели. Но я не уверен, что эта затея с видеоскопом разумна, Бак.

— Я так хочу.

Лэнки опять отошел к стойке и налил себе.

— Ладно. Так и делай. Если все это пройдет, заварится большая каша, и мне надо бы к этому приготовиться.— Он ухмыльнулся.— Но будь я проклят, если это не окажется полезно для дела!

Мэриголд Мэннинг переменила прическу на последнее создание Занны из Гонконга и десять минут раздумывала, каким боком повернуться к съемочным аппаратам. Бак терпеливо ждал, чувствуя себя немного неловко: такого дорогого костюма у него никогда еще не было. Ему при-

шло в голову: а что, если он и в самом деле проецирует эмоции?

— Я встану так,— сказала наконец мисс Мэннинг, бросив на контрольный экран перед собой последний испытующий взор.— А вы, мистер Бак? Что мы с вами будем делать?

— Просто посадите меня за мультикорд,— сказал Бак.

— Но вы же будете не только играть. Вы должны что-нибудь сказать. Я объявляла об этом ежедневно всю неделю, у нас будет самая большая аудитория за много лет, и вы просто должны что-нибудь сказать.

— С радостью,— сказал Бак.— Можно мне рассказать о ресторане Лэнки?

— Конечно, глупый вы человек. Для того-то вы и здесь. Вы расскажете о ресторане Лэнки, а я расскажу об Эрлине Баке.

— Пять минут,—четко объявил голос.

— О боже,— сказала она.— Я всегда так нервничаю перед самым началом.

— Хорошо, что не во время передачи,— ответил Бак.

— Верно. Джимми только смеется надо мной, но нужно быть артистом, чтобы понять другого артиста. А вы нервничаете?

— Когда я играю, мне не до того.

— Вот и мне тоже. Когда моя передача начинается, я слишком занята.

— Четыре минуты.

— О господи!— она опять повернулась к экрану.— Может, мне лучше по-другому?

Бак уселся за мультикорд.

— Вы очень хороши так, как есть.

— Вы, правда, так думаете? Во всяком случае, очень мило, что вы так говорите. Интересно, найдется ли у Джимми время посмотреть.

— Уверен, что найдется.

— Три минуты.

Бак включил усилитель и взял аккорд. Теперь он нервничал. Он понятия не имел, что будет играть. Он намеренно не хотел никак готовиться заранее, потому что именно импровизации его так странно действовали на людей. Только одно он знал точно: сексуальной музыки не будет. Об этом его просил Лэнки.

Задумавшись, он пропустил мимо ушей последнее пре-

дупреждение и, вздрогнув, поднял голову, когда услышал радостный голос мисс Мэннинг:

— Доброе утро! Начинаем «Утро с Мэриголд»!

Звонкий голос ее продолжал. Эрлин Бак. Его карьера музыкодела. Ее поразительное открытие, что он играет в ресторанчике Лэнки. Она рассказала о коммерсе, посвященном Тэмперскому сыру. Наконец, она окончила свой рассказ и рискнула повернуться, чтобы посмотреть в сторону Бака.

— Леди и джентльмены! С восхищением, с гордостью, с удовольствием представляю вам сенсацию Мэриголд— Эрлина Бака!

Бак нервно усмехнулся и смущенно постучал по клавише одним пальцем.

— Это моя первая в жизни речь,— сказал он.— Возможно, она будет последней. Сегодня открывается новый ресторан «У Лэнки» на Бродвее. К несчастью, я не могу пригласить вас туда, потому что благодаря великодушным рассказам мисс Мэннинг за последнюю неделю все места на ближайшие два месяца заказаны. Потом мы будем оставлять ограниченное число мест для приезжих издалека. Садитесь в самолет и летите к нам!

У Лэнки вы найдете кое-что не совсем обычное. Там нет экрана видеоскопа. Может быть, вы об этом слышали. У нас есть привлекательные молодые леди, которые вам будут петь. Я играю на мультикорде. Мы уверены, что вам понравится наша музыка, потому что у Лэнки вы не услышите коммерсов. Запомните это! «Никаких коммерсов у Лэнки!» Никаких флаеров к бифштексам! Никакой мыльной пены к шампанскому! Никаких сорочек к десерту! Никаких коммерсов! Только хорошая музыка, которая звучит для вашего удовольствия,— вот такая!

Он опустил руки на клавиши.

Было странно играть без всяких зрителей— практически без зрителей. Были только мисс Мэннинг и операторы видеоскопа, и Бак внезапно ощутил, что своими успехами он обязан зрителям. Перед ним всегда было множество лиц, и он играл в соответствии с их реакцией. Теперь его слушали люди по всему Западному полушарию. А потом это будет вся Земля и вся Солнечная система. Будут ли они хлопать и притопывать? Подумают ли они с благоговением: «Так вот что такое музыка без слов, без коммерсов!»? Или он вызовет у них легкую скуку?

Бак бросил взгляд на бледное лицо мисс Мэннинг, на инженеров, стоящих с разинутыми ртами, и подумал, что, вероятно, все в порядке. Музыка захватила его, и он играл неистово.

Он продолжал играть и после того, как почувствовал что-то неладное. Мисс Мэннинг вскочила и бросилась к нему. Операторы бестолково засуетились, а дальний контрольный экран опустел.

Бак замедлил темп и остановился.

— Нас отключили,— сказала мисс Мэннинг со слезами в голосе.— Кто мог это сделать? Никогда, никогда за все время, что я выступаю по видеоскопу... Джордж, кто нас отключил?

— Приказ.

— Чей приказ?

— Мой приказ!— Перед ними появился Джемс Дентон, и он не улыбался. Губы его были сжаты, лицо бледно, в глазах светилось смертоносное неистовство.

— Ты хитрый парень, а?— обратился он к Баку.— Не знаю, как ты ухитрился разыграть меня, но ни один человек не одурачивает Джемса Дентона дважды. Теперь ты стал проблемой, и я не собираюсь затруднять себя решением. Считай, что ты ликвидирован.

— Джимми! — взмолилась мисс Мэннинг.— Моя программа отключена! Как ты мог?

— Заткнись, к черту! Могу предложить тебе, Бак, любое пари, что Лэнки сегодня не откроется. Хотя для тебя это уже безразлично.

Бак мягко улыбнулся.

— Я думаю, что вы проиграли, Дентон. Я думаю, что прозвучало достаточно музыки, чтобы победить вас. Я могу предложить вам любое пари, что к завтрашнему дню вы получите несколько тысяч жалоб. И правительство тоже. И тогда вы увидите, кто настоящий хозяин «Видеоскоп Интернэйшнл».

— Я хозяин «Видеоскоп Интернэйшнл».

— Нет, Дентон. Он принадлежит народу. Люди долго смотрели на это сквозь пальцы и довольствовались тем, что вы им давали. Но если они поймут, что им нужно, они того добьются. Я знаю, что дал им по крайней мере три минуты того, что им нужно. Это больше, чем я надеялся.

— Как тебе удалось провести меня там, в кабинете?

— Вы сами себя провели, Дентон, потому что вы ничего

не знаете об обертонах. Ваш селектор не годится для передачи музыки. Он совсем не передает высоких частот, так что мультикорд звучал безжизненно для людей, находившихся в другой комнате. Но у видеоскопа достаточно широкая полоса частот. Поэтому он передает живой звук.

Дентон кивнул.

— Умно. За это я поотрываю головы некоторым ученым. Да и тебе тоже, Бак.

Он надменно вышел, и как только автоматическая дверь закрылась за ним, Мэриголд Мэннинг схватила Бака за руку:

— Живо! За мной!

Бак заколебался, а она прошипела:

— Да не стойте, как идиот! Вас убьют!

Она вывела его через операторскую в маленький коридорчик. Они пробежали через него, проскочили приемную с удивленной секретаршей и через заднюю дверь попали в другой коридор. Она втащила его за собой в антигравитационный лифт, и они помчались наверх. На крыше здания они подбежали к взлетной площадке для флаеров, и здесь она оставила его в дверях.

— Когда я подам сигнал, выйдите,— сказала она.— Только не бегите, идите медленно.

Она спокойно вышла, и Бак услышал удивленное приветствие служителя.

— Как вы рано сегодня, мисс Мэннинг!

— Мы передаем много коммерсов,— сказала она.— Мне нужен большой «вэйринг».

— Сейчас подадим.

Выглядывая из-за угла, Бак увидел, как она вошла во флаер. Как только служитель отвернулся, она неистово замахала. Бак осторожно подошел к ней, стараясь, чтобы «вэйринг» был все время между ним и служителем. Через минуту они уже неслись вверх, а внизу слабо прозвучала сирена.

— Успели! — воскликнула она, задыхаясь.— Если бы вы не выбрались до того, как прогудела тревога, вам бы совсем не уйти.

Бак глубоко вздохнул и оглянулся на здание «Видеоскоп Интернэйшнл».

— Что ж, спасибо,— сказал он.— Но я убежден, что необходимости в этом не было. Это же цивилизованная планета.

— «Видеоскоп Интернэйшнл» — не цивилизованное предприятие,— обрезала она.

Он посмотрел на нее с удивлением. Ее лицо разгорелось, глаза расширились от страха, и впервые Бак увидел в ней человека, женщину, красивую женщину. Она отвернулась и разразилась слезами.

— Теперь Джимми убьет и меня. А куда мы поедем?

— К Лэнки,— сказал Бак.— Смотрите, его отсюда видно.

Она направила флаер к свежевыкрашенным буквам на посадочной площадке нового ресторана, и Бак, оглянувшись, увидел, что на улице возле «Видеоскоп Интернэйшнл» собирается толпа.

Лэнки придвинул свой стол к стене и удобно откинулся назад. На нем был нарядный вечерний костюм, и он тщательно подготовился к роли общительного хозяина, но у себя в конторе он был все тем же неуклюжим Лэнки, которого Бак впервые увидел облокотившимся на стойку.

— Я тебе говорил, что заварится каша,— сказал он спокойно.— Пять тысяч человек у здания «Видеоскоп Интернэйшнл» требуют Эрлина Бака. И толпа все растет.

— Я играл не больше трех минут,— сказал Бак.— Я подумал, что многие, наверное, напишут жалобы на то, что меня отключили, но ничего подобного я не ожидал.

— Не ожидал, а? Пять тысяч человек. Теперь уже, может быть, и все десять, и никто не знает, когда все это кончится. А мисс Мэннинг рискует головой, чтобы увезти тебя оттуда — спроси ее, почему, Бак?

— Да,— сказал Бак.— Зачем было вам ввязываться в это из-за меня?

Она вздрогнула.

— Ваша музыка такое со мной делает!

— Еще как делает,— подхватил Лэнки.— Бак, дурень ты этакий, ты устроил для четверти земного населения три минуты эмоциональной музыки!

Ресторан Лэнки открылся в тот вечер, как и было назначено. Толпа заполняла всю улицу и ломилась до тех пор, пока оставались стоячие места. Хитрый Лэнки установил плату за вход. Стоявшие посетители ничего не

заказывали, и Лэнки не мог допустить, чтобы музыка досталась им бесплатно, даже если они готовы были слушать ее стоя.

В последнюю минуту была произведена только одна замена. Лэнки решил, что посетители предпочтут очаровательную хозяйку старому хозяину с расплющенным носом, и он нанял Мэриголд Мэннинг. Она изящно скользила по залу, и голубизна ниспадающего платья оттеняла золотистые волосы.

Когда Бак занял свое место за мультикордом, бешеная овация продолжалась двадцать минут.

В середине вечера Бак разыскал Лэнки.

— Дентон что-нибудь предпринял?

— Ничего. Все идет как по маслу.

— Странно. Он поклялся, что мы сегодня не откроемся.

Лэнки усмехнулся.

— У него достаточно своих неприятностей. Власти ему на горло наступают из-за сегодняшней суматохи. Я боялся, что будут обвинять тебя, но обошлось. Дентон включил тебя в программу, он же тебя и отключил, и считается, что виноват он. По моим последним сведениям, «Видеоскоп Интернэйшнл» получил больше пяти миллионов жалоб. Не беспокойся, Бак. Скоро мы услышим о Дентоне, да и о союзах тоже.

— О союзах? При чем тут союзы?

— Союз музыкоделов взъестся на тебя за то, что ты хочешь покончить с коммерсами. Союз текстовиков будет заодно с ними из-за коммерсов и еще потому, что твоей музыке не нужны слова. Союзу исполнителей ты придешься не по вкусу, потому что вряд ли кто-нибудь из них умеет играть хоть немного. К завтрашнему утру, Бак, ты станешь самым популярным человеком в Солнечной системе, и тебя возненавидят все заказчики, все работники видеоскопа и все союзы. Я приставлю к тебе телохранителя на круглые сутки. И к мисс Мэннинг тоже. Я хочу, чтобы ты вышел из этой заварухи живым.

— Ты в самом деле думаешь, что Дентон может...

— Дентон может.

На следующее утро союз исполнителей занес ресторан Лэнки в черный список и предложил всем музыкантам, включая Бака, прекратить с ним всякие отношения.

Музыканты вежливо отклонили предложения и к полудню оказались в черном списке. Лэнки вызвал адвоката — Бак еще не видел человека, который выглядел бы таким скрытным и не внушающим доверия.

— Они должны предупредить нас за неделю,— сказал Лэнки.— И дать нам еще неделю, если мы будем жаловаться. Я им предъявлю иск на пять миллионов.

В ресторан заходил уполномоченный по общественному порядку, затем уполномоченный по контролю за торговлей спиртным. После недолгих переговоров с Лэнки оба с мрачным видом удалились.

— Поздно Дентон зашевелился,— весело сказал Лэнки.— Я был у них обоих на прошлой неделе и записал на пленку наши разговоры. Они не осмелятся действовать.

В этот вечер перед рестораном Лэнки были устроены беспорядки. У Лэнки на этот случай был наготове свой отряд, и посетители ничего не заметили. Произошла стихийная демонстрация против коммерсов, а в манхеттенских ресторанах было разбито пятьсот видеоскопов.

Ресторан Лэнки беспрепятственно закончил первую неделю своего существования. Зал постоянно был переполнен. Заявки на места посыпались даже с Венеры и Марса. Бак выписал из Берлина второго мультикордиста, которого он мог бы обучить, и Лэнки надеялся, что к концу месяца ресторан будет работать по двадцать четыре часа в сутки.

В начале второй недели Лэнки сказал Баку:

— Мы побили Дентона. Я смог ответить на каждый его ход, а теперь мы сами сделаем несколько ходов. Ты опять выступишь по видеоскопу. Сегодня я сделаю заявку. У нас законное предприятие, и мы имеем такое же право покупать время, как другие. Если он нам откажет, я в суд на него подам. Не посмеет он отказать.

— Где ты возьмешь на все это денег? — спросил Бак.

Лэнки усмехнулся.

— Сэкономил. И получил небольшую поддержку от людей, которым не нравится Дентон.

Дентон не отказал. Выступление Бака транслировалось прямо из ресторана по всеземной программе, а вела передачу Мэриголд Мэннинг. Сексуальной музыки он не исполнял.

Ресторан закрывался. Усталый Бак переодевался у себя в комнате. Лэнки ушел, чтобы рано утром встретиться со своим адвокатом и поговорить с ним о следующем ходе Дентона.

Бак был неспокоен. Ведь он всего-навсего музыкант, говорил он себе, не разбирающийся ни в юридических проблемах, ни в запутанной паутине связей и влияний, которой Лэнки так легко управлял. Он знал, что Джемс Дентон — олицетворение зла. Он знал также, что у Дентона достаточно денег, чтобы тысячу раз купить Лэнки. Или заплатить за убийство любого, кто стоит у него на дороге. Чего он ждет? Ведь Бак через некоторое время может нанести смертельный удар всей системе коммерсов. Дентон должен это знать.

Так чего же он ждет?

Дверь распахнулась, и к нему вбежала бледная, полуодетая Мэриголд Мэннинг. Она захлопнула дверь и прислонилась к ней. Все ее тело сотрясалось от рыданий.

— Джимми,— сказала она, задыхаясь.— Я получила записку от Кэрол — это его секретарша. Она была моей приятельницей. Она сообщает, что Джимми подкупил наших телохранителей, и они собираются нас убить сегодня по дороге домой. Или позволят людям Джимми нас убить.

—Я вызову Лэнки,— сказал Бак.— Беспокоиться не о чем.

—Нет! Если они что-нибудь заподозрят, они не станут ждать. У нас не будет никакой надежды.

— Тогда мы просто дождемся, пока Лэнки вернется.

— Вы думаете, ждать безопасно? Они же знают, что мы собрались уходить.

Бак тяжело опустился на стул. Это был как раз такой ход, которого он ожидал от Дентона. Он знал, что Лэнки тщательно подбирал людей, но у Дентона достаточно денег, чтобы перекупить любого. И все же...

— Может, это ловушка,— сказал он.— Может, это подложная записка.

— Нет. Я видела, как этот жирный коротышка Халси говорил вчера с одним из ваших телохранителей, и сразу поняла, что Джимми что-то затевает.

Так вот оно что! Халси.

— Что же делать? — спросил Бак.

— Нельзя ли выйти через черный ход?

— Не знаю. Придется пройти мимо по крайней мере одного телохранителя.

— Может, попробуем?

Бак колебался. Она была напугана. Она не владела собой от страха. Но она была более опытна в таких вещах. И она знала Джемса Дентона. Бак никогда не выбрался бы из «Видеоскоп Интернэйшнл» без ее помощи.

— Если вы считаете, что это необходимо,— попробуем.

— Мне надо одеться.

Она осторожно выглянула за дверь и сразу вернулась: страх пересилил стыдливость.

— Нет. Идемте.

Бак и мисс Мэннинг не спеша прошли по коридору к запасному выходу, обменялись кивком с двумя телохранителями, которые сидели наготове, внезапно нырнули в дверь и побежали. Позади раздался удивленный возглас, и ничего больше. Они изо всех сил помчались по переулку, повернули, добежали до следующего перекрестка и остановились в нерешительности.

— Движущийся тротуар в той стороне,— задыхаясь, шепнула она.— Если мы добежим до него...

— Пошли!

И они побежали дальше, держась за руки. Переулок впереди расширялся в улицу. С беспокойством Бак поискал глазами флаеры, не догоняют ли, но не увидел ни одного. Он не знал точно, куда они попали.

— Погони нет?

— Кажется, нет. Ни одного флаера, и я никого не заметил позади, когда мы останавливались.

— Значит, мы удрали!

Футах в тридцати от них из рассветных теней вдруг выступил человек. Охваченные паникой, они остановились, а он шагнул к ним. Шляпа была низко надвинута на лицо, но улыбку нельзя было не узнать. Джемс Дентон.

— Доброе утро, красавица,— произнес он.— «Видеоскоп Интернэйшнл» много потерял без тебя. Доброе утро, мистер Бак.

Они стояли молча. Мисс Мэннинг вцепилась в плечо Бака, а ногти ее через рубашку вонзились ему в тело. Он не шевелился.

— Я знал, что ты попадешься на эту маленькую хитрость, красавица. Я знал, что ты уже как раз достаточно

напугана, чтобы на нее поддаться. У каждого выхода мои люди, но я благодарен тебе, что ты выбрала именно этот. Очень благодарен. Я предпочитаю лично сводить счеты с предателями.

Вдруг он повернулся к Баку и прорычал:

— Убирайся отсюда, Бак. До тебя очередь еще не дошла. Для тебя я приготовил кое-что другое.

Бак стоял, как прикованный к сырому тротуару.

— Шевелись, Бак, пока я не передумал!

Мисс Мэннинг отпустила его плечо. Ее голос сорвался на прерывистый шепот.

— Уходите! — сказала она.

— Бак!

— Уходите, быстро! — снова шепнула она.

Бак нерешительно сделал два шага.

— Бегом!— заорал Дентон.

Бак побежал. Позади раздался зловещий треск выстрела, крик — и наступила тишина. Бак запнулся, увидел, что Дентон смотрит ему вслед, и снова побежал.

— Так вот, трус,— сказал Бак.

— Нет, Бак,— Лэнки медленно покачал головой.— Ты смелый человек, иначе ты не ввязался бы в это дело. Это не была бы смелость — пытаться что-нибудь там сделать. Это была бы глупость. Виноват я. Я думал, что он прежде всего займется рестораном. Теперь я кое-что должен за это Дентону, Бак, а я из тех, кто платит свои долги.

Обезображенное лицо Лэнки озабоченно нахмурилось. Он как-то странно посмотрел на Бака и почесал свою лысую голову.

— Она была красивая и храбрая женщина, Бак. Но я не понимаю, почему Дентон отпустил тебя.

Трагедия, нависшая над рестораном Лэнки в тот вечер, никак не сказалась на посетителях. Они встретили Бака, вышедшего к мультикорду, громом оваций. Когда он остановился, нерешительно кланяясь, его окружили три полисмена.

— Эрлин Бак?

— Да.

— Вы арестованы.

Бак усмехнулся. Дентон не заставил ждать своего следующего хода.

— В чем меня обвиняют? — спросил он.

— В убийстве.

В убийстве Мэриголд Мэннинг.

Лэнки прижался к решетке печальным лицом и неторопливо заговорил.

— У них есть свидетели,— сказал он,— честные свидетели, которые видели, как ты выбежал из этого переулка. У них есть несколько лжесвидетелей, которые видели, как ты стрелял. Один из них — твой друг Халси, которому как раз случилось совершать свою раннюю утреннюю прогулку по той аллее — во всяком случае, он в этом присягнет. Дентон, наверное, не пожалел бы миллиона, чтобы засадить тебя, но в этом нет нужды. Нет нужды даже в том, чтобы подкупить суд. Настолько чисто дело против тебя.

— А как насчет револьвера? — спросил Бак.

— Его нашли. Конечно, никаких отпечатков. Но кое-кто заявит, что ты был в перчатках, или окажется, что кто-то видел, как ты его обтирал.

Бак кивнул. Теперь он уже был не в силах что-нибудь изменить. Он служил делу, которого никто не понимал,— может быть, он и сам не понимал, что пытался сделать. И он проиграл.

— Что будет дальше?

Лэнки покачал головой.

— Не умею я скрывать плохие вести. Это означает пожизненный приговор. Тебя сошлют на Ганимед в рудники пожизненно.

— Понятно,— сказал Бак. И добавил с беспокойством: — А ты собираешься продолжать наше дело?

— А чего ты, собственно, хотел добиться, Бак? Ты ведь работал не только на ресторан «Лэнки». Я никак не мог в этом разобраться, но я-то был с тобой потому, что ты мне нравишься. И мне нравится твоя музыка. Так чего же ты хотел?

— Не знаю.

Концерт? Тысяча человек, собиравшихся, чтобы слушать музыку? Этого он хотел?

— Музыки, наверное,— сказал он.— Избавиться от коммерсов — или хоть от некоторых из них.

— Да. Да, кажется, я теперь понял. Ресторан «Лэнки»

будет продолжать, Бак, пока я жив. Этот новый мультикордист не так уж плох. Конечно, не то, что ты,— но ведь такого, как ты, больше никогда не будет. Мы все еще не можем удовлетворить все заявки на места. Еще несколько ресторанов покончили с видеоскопом и пытаются нам подражать, но мы далеко впереди. Мы будем продолжать то, что начал ты, а твоя треть дохода будет идти тебе. Ее будут отчислять на твой счет. Ты станешь богатым человеком, когда вернешься.

— Когда вернусь?

— Ну, пожизненный приговор не обязательно означает приговор на всю жизнь. Смотри, веди себя как следует.

— А как же Вэл?

— О ней позаботятся. Я дам ей какую-нибудь работу, чтобы занять ее.

— Может, я смогу посылать тебе музыку для ресторана,— сказал Бак.— У меня будет много времени.

— Боюсь, что нет. От музыки-то они и хотят тебя держать подальше. Так что писать будет нельзя. И к мультикорду тебя не подпустят. Они думают, что ты сможешь загипнотизировать стражу и освободить всех заключенных.

— А мне разрешат взять мою коллекцию пластинок?

— Боюсь, что нет.

— Понятно. Что ж, если так...

— Да, так. Теперь за мной уже второй долг Дентону.

У Лэнки, обычно не склонного к проявлениям чувств, были слезы на глазах, когда он отвернулся.

Суд совещался восемь минут и вынес обвинительный приговор. Бак был приговорен к пожизненному заключению. Хозяева видеоскопа знали, что жизнь в рудниках Ганимеда частенько оказывалась очень короткой.

Среди простых людей все шире расходился слух, что этот приговор был оплачен заказчиками и хозяевами видеоскопа. Говорили, что Эрлину Баку пришили дело за музыку, которую он дал народу.

В тот день, когда Бака отправили на Ганимед, было объявлено о публичном выступлении мультикордиста Х. Вэйла и скрипача Б. Джонсона. Вход — один доллар.

Лэнки старательно собрал материал, перекупил одного из подкупленных свидетелей и подал кассационную жа-

лобу. В пересмотре дела отказали. Один за другим тянулись годы.

Был организован Нью-Йоркский симфонический оркестр из двадцати инструментов... Один из роскошных воздушных автомобилей Джемса Дентона разбился, и он погиб. Несчастный случай. Миллионер, который однажды слышал, как Эрлин Бак играл по видеоскопу, основал десяток консерваторий. Они должны были носить имя Бака, но один историк музыки, который ничего не слышал о Баке, переменил имя на Баха.

Лэнки умер, и его зять продолжал завещанное ему дело. Была проведена подписка на строительство нового концертного зала для Нью-Йоркского симфонического оркестра, который теперь насчитывал сорок инструментов. Интерес к этому оркестру рос, как лавина, и, наконец, место для нового зала выбрали в Огайо, чтобы туда легко можно было добраться из любой части Североамериканского континента. Был сооружен зал Бетховена на сорок тысяч человек. За первые же сорок восемь часов после начала продажи билетов были разобраны все абонементы на первую серию концертов.

Впервые за двести лет по видеоскопу передавали оперу. Там же, в Огайо, был выстроен оперный театр, а потом институт искусств. Центр рос — сначала на частные пожертвования, потом на правительственную субсидию. Зять Лэнки умер, управление рестораном «Лэнки» перешло к его племяннику вместе с делом освобождения Эрлина Бака. Прошло тридцать лет, потом сорок.

Через сорок девять лет, семь месяцев и девятнадцать дней после того, как Баку был вынесен пожизненный приговор, его помиловали. Ему все еще принадлежала треть дохода самого преуспевающего ресторана в Манхэттене, и капитал, который накопился за много лет, сделал его богатым человеком. Ему было девяносто шесть лет.

Зал Бетховена снова переполнен. Отдыхающие со всей Солнечной системы, любители музыки — владельцы абонементов, старики, которые доживают жизнь в Центре — вся сорокатысячная толпа нетерпеливо колыхалась в ожидании дирижера. Когда он вышел, со всех двенадцати ярусов грянули аплодисменты.

Эрлин Бак сидел на своем постоянном месте в задних рядах партера. Он навел бинокль и разглядывал оркестр, снова размышляя о том, на что могут быть похожи звуки

контрабаса. Все его горести остались на Ганимеде. Жизнь его в Центре стала нескончаемым потоком чудесных открытий.

Разумеется, никто не помнил Эрлина Бака, музыкодела и убийцу. Уже целые поколения людей не помнили коммерсов. И все же Бак чувствовал, что всего этого добился он — точно так же, как если бы он построил это здание и сам Центр собственными руками. Он вытянул перед собой руки, изуродованные за многие годы в рудниках. Его пальцы были расплющены, тело изувечено камнями. Он не жалел ни о чем. Он сделал свое дело как следует.

В проходе позади него стояли два билетера. Один указал на него пальцем и прошептал:

— Ну и тип, вот этот! Ходит на все концерты. Ни одного не пропустит. Просто сидит тут в заднем ряду да разглядывает людей. Говорят, он был одним из прежних музыкоделов много-много лет назад.

— Может, он музыку любит? — сказал другой.

— Да нет. Эти прежние музыкоделы ничего не понимали в музыке. И потом — он ведь совсем глухой.

Перевод с английского Г. Усовой
под редакцией А. Иорданского

Артур Кларк

СТЕНА МРАКА

Рассказ

Многочисленны и удивительны миры, плывущие подобно пузырькам пены по Реке Времени. Иные, их очень мало, движутся против или поперек течения; еще меньше таких, что находятся вне его пределов и не ведают ни будущего, ни прошлого. Маленькая вселенная Шервана в их число не входила, ее своеобразие было иного рода. Она насчитывала всего один мир — планету племени Шервана — и одну лишь звезду, великое солнце Трилорн, дающее планете свет и жизнь.

Шерван не знал, что такое ночь, ибо Трилорн всегда парил высоко над горизонтом, спускаясь к нему только в долгие зимние месяцы. Правда, в Стране Вечной Тени каждый год бывала пора, когда Трилорн исчезал за краем планеты и наступала тьма, в которой ничто не могло жить. Но и тогда мрак не был полным, хоть и не было звезд, чтобы его рассеять.

Один в своей маленькой вселенной, вечно обращенный одной и той же стороной к своему одинокому солнцу мир Шервана был последней и наиболее странной причудой творца звезд.

И, однако же, мысли, которые наполняли голову Шервана, когда он глядел на земли своего отца, могли ро-

диться в сознании любого из детей человеческого рода. Он ощущал благоговение, и любопытство, и немного страха, но надо всем преобладало стремление изведать огромный мир, окружающий его. Пока он был слишком юн для этого, но старинный дом стоял на самой высокой на много миль вокруг точке, и во все стороны открывался вид на край, которым ему владеть. Если повернуться лицом на север, к Трилорну, то вдали можно было разглядеть длинную гряду гор, которые уходили вправо, становясь все выше и выше, пока не терялись в далях за его спиной — там, где начиналась Страна Вечной Тени. Когда-нибудь, став постарше, он пройдет через эти горы, через перевал, что ведет в обширные страны востока.

Слева — всего несколько миль — океан; иногда Шерван слышал даже рокот волн, катящихся на пологий песчаный берег. Никто не знал, как далеко протянулся океан. Корабли выходили в его просторы и плыли на север, но Трилорн все выше поднимался на небе, все сильней и сильней становился жар его лучей. И задолго до того, как могучее солнце достигало зенита, кораблям приходилось поворачивать вспять. Так что, если мифическая Огненная Страна и впрямь существует, никому не суждено достичь ее пылающих берегов. Правда, есть легенды, они говорят, будто некогда были быстроходные металлические суда, которые могли пересечь океан наперекор палящим лучам Трилорна и достигали земель на том краю света. Теперь туда можно попасть только после долгого путешествия по суше и по морю, а если пожелаешь хоть немного сократить путь, надо следовать севернее, насколько хватит отваги.

Все обитаемые земли мира Шервана лежали в узком поясе между палящим зноем и нестерпимым холодом. В каждой стране крайний север — это неприступная область, опаленная гневом Трилорна. А к югу от всех государств раскинулась огромная и мрачная Страна Вечной Тени, где Трилорн — всего лишь бледный диск над самым горизонтом, а то и вовсе исчезает из виду.

Все это Шерван узнал в годы своего детства, и в ту пору его не влекло за пределы обширной страны между горами и океаном. Издревле его предки и предшествовавшие им племена упорно трудились, стремясь сделать эти земли самыми прекрасными на свете, и они добились своего — или почти добились. Удивительные цветы украшали сады;

ласкаявая мшистые утесы, тихо журчали потоки, которые вливались в прозрачное, не ведающее приливов море. Поля шелестели колосьями на ветру, словно поколения еще не родившихся семян перешептывались между собой. На просторных лугах и под сенью деревьев, мыча и блея, лениво бродили послушные стада. А еще был большой дом с огромными залами и бесконечными коридорами, который ребенку казался исполинским. Вот в каком мире рос Шерван, какой мир он знал и любил. И то, что находилось за родными рубежами, его пока не занимало.

Но мир Шервана был подвластен времени. Урожай созревал, и хлеб засыпали в амбары; Трилорн медленно плыл по своей короткой небесной дуге; сменялись времена года, крепли тело и дух Шервана. Теперь родной край уже не казался ему таким огромным, горы подступили ближе, и до океана было рукой подать от большого дома. Он начал познавать мир, в котором жил, готовясь исполнить предназначенную ему роль в судьбах этого мира.

Кое-что ему поведал отец, Шервал, но главным наставником был Грейл, который пришел из-за гор в дни отца его отца и воспитал уже три поколения в их роду. Мальчик привязался к Грейлу (хоть было много такого, чему он учился без всякой охоты), и годы детства текли безмятежно. Но вот настала пора Шервану отправиться через горы в соседнюю землю. Много веков назад его род пришел из великих стран востока, и с тех пор в каждом поколении старший сын совершал туда паломничество, проводя год юности среди сородичей. Это был мудрый обычай, потому что в стране за горами еще сохранили память о знаниях, коими обладали древние; к тому же можно было встретить людей из других земель, изучить их обычаи.

Весной того года, когда пришел срок сыну отправляться в путь, Шервал призвал к себе трех слуг, взял несколько животных (назовем их для простоты лошадьми) и поехал вместе с Шерваном в те части родной страны, которых юноша еще не знал. Сперва они ехали на запад, потом, спустившись к морю, много дней следовали вдоль берега. Трилорн заметно приблизился к горизонту, но они продолжали путь на юг, и тени у их ног становились все длиннее и длиннее. И только когда лучи солнца, казалось, вовсе утратили свою силу, путники повернули на восток. До Страны Вечной Тени оставалось совсем немного, и

было бы неразумно ехать дальше на юг, пока не наступило лето.

Шерван ехал рядом с отцом, жадно рассматривая все новые ландшафты с любопытством мальчика, который впервые попал в незнакомую страну. Отец говорил ему о почве, о том, какие злаки можно здесь выращивать, а какие не привьются. Но мысли Шервана были заняты другим — он смотрел туда, где начинались пустынные земли Страны Вечной Тени, пытаясь представить себе, далеко ли она простирается и какие тайны хранит.

— Отец,— заговорил он наконец,— если ехать на юг все прямо и прямо, через Страну Вечной Тени, попадешь на противоположную сторону мира?

Отец улыбнулся.

— Люди много веков задают себе этот вопрос,— сказал он.— Но есть две причины, из-за которых им никогда не узнать ответа.

— Какие причины?

— Во-первых, разумеется, мрак и холод. Даже здесь никто и ничто не может жить зимой. Но есть и более веская причина, хотя Грейл, насколько я понимаю, не говорил тебе о ней.

— Кажется, не говорил, во всяком случае я не припомню.

Шервал помолчал. Привстав в стременах, он обвел взглядом земли, простершиеся к югу.

— Когда-то я хорошо знал эти места,— сказал он наконец Шервану.— Поедем, я тебе кое-что покажу.

Они свернули с тропы и несколько часов ехали спиной к солнцу. Местность постепенно повышалась, и Шерван увидел, что они поднимаются вдоль гребня вершины, которая напоминала кинжал, нацеленный в самое сердце Страны Вечной Тени. Стало слишком круто для их коней, тогда они соскочили на землю и оставили животных на попечение слуг.

— Здесь можно обойти кругом,— объяснил Шервал,— но лезть напрямик быстрее, чем вести коней в обход.

Вершина была хоть и крутая, но не очень высокая, и они за несколько минут поднялись на нее. Сперва Шерван не заметил ничего необычного: та же самая дикая пересеченная страна, только чем дальше от Трилорна, тем мрачнее и суровее.

Он в замешательстве повернулся к отцу, но Шервал поднял руку, указывая на юг, и пальцем отчеркнул линию горизонта.

— Это не сразу рассмотришь,— тихо произнес он.— Мой отец показал мне как раз отсюда, за много лет до того, как ты родился.

Напрягая зрение, Шерван всматривался в сумрак. Небо на юге было темное, почти черное там, где встречалось с краем земли. А впрочем нет, не встречалось: вдоль горизонта, разделяя небо и землю, широкой дугой протянулась полоса еще более густого мрака, черная, как ночь, которой Шерван не знал.

Долго и пристально глядел он на нее, и, видимо, в душу Шервана вкралось предчувствие, потому что угрюмый край вдруг словно ожил, маня его. И когда он наконец оторвал от него взгляд, то — хоть и был слишком юн, чтобы истолковать загадочный зов,— знал: отныне все будет представляться ему иначе.

Так Шерван — впервые в своей жизни — увидел Стену.

Ранней весной он простился с родными и, сопровождаемый слугой, направился через горы в великие страны восточного мира. Здесь Шерван встретил людей одной с ним крови, и здесь он изучил историю своего народа, узнал искусства и ремесла, уходящие корнями в древность, науки, направляющие жизнь людей. В местах учения он завязывал дружбу с юношами, что прибыли из стран, лежащих еще дальше на восток; мало кого из них он мог надеяться увидеть вновь в будущем, но одному суждено было сыграть неожиданно большую роль в жизни Шервана.

Отец Брейлдона был прославленный зодчий, однако сын явно готовился превзойти его. Он путешествовал из страны в страну и неустанно учился, наблюдал, задавал вопросы. И хотя он был всего несколькими годами старше Шервана, но бесконечно больше него знал о мире — во всяком случае, так казалось более молодому.

Беседуя, они весь мир разбирали на составные части и собирали вновь так, как хотелось им. Брейлдон мечтал о городах с широкими проспектами и величественными башнями, которые затмят все чудеса прошлого; Шервана

занимала судьба людей, которым предстояло населять эти города, устройство их жизни.

Они часто говорили о Стене; Брейлдон знал о ней из преданий своего народа, но сам ее не видел. Далеко-далеко на юге, за всеми странами — как в этом убедился Шерван — тянется она подобно могучему барьеру поперек Страны Вечной Тени. Летом можно ее достигнуть, но с превеликим трудом, пересечь же Стену невозможно, и никому не ведомо, что лежит за ней. Сама будто целый мир, сплошная, без единого уступа, стократ выше человека, она пересекает неприветливое море, омывающее берега Страны Вечной Тени. Путники, едва согреваемые последними бледными лучами Трилорна, достигали этих пустынных берегов и видели, как Стена вздымается из воды, равнодушная к волнам, омывающим ее подножье. И на других далеких берегах другие путники видели, как она шагает через океан, смыкаясь в сплошное кольцо в своем кругосветном обхвате.

— Один из братьев моего отца,— рассказывал Брейлдон,— в молодости доходил до Стены. Он побился об заклад и десять дней ехал верхом, чтобы достичь ее. Огромная, холодная, она вызвала в нем страх. Он не мог сказать, из металла она или из камня, и когда он кричал, эха не было, звук голоса затухал, словно Стена его поглощала. У нас есть поверье, что там край света и дальше ничего нет.

— Будь это так,— возразил Шерван очень рассудительно,— океан хлынул бы через край, прежде чем построили Стену.

— А если Стену воздвиг Кайрон, когда сотворил мир?

Но Шерван стоял на своем:

— У нас верят, что Стена создана людьми, возможно мастерами времен Первой Династии, они ведь делали такие замечательные вещи. Если у них и вправду были корабли, способные достигнуть Огненной Страны — даже летать! — они, наверное, обладали достаточной мудростью, чтобы построить Стену.

Брейлдон пожал плечами.

— Видимо, у них была на то причина,— сказал он.— Но мы все равно не узнаем ответа, так зачем ломать себе голову?

Шерван уже успел убедиться, что у обыкновенных людей он, кроме этого разумного практического совета, ни-

чего не почерпнет; только мыслителей занимают вопросы, на которые нет ответа. Большинство людей совершенно безучастно относились к загадке Стены, как и к загадке жизни. А философы, коих он встречал, отвечали ему каждый по-своему.

Начать с Грейла, к которому он обратился, возвратившись из Страны Вечной Тени. Старик спокойно поглядел на Шервана и сказал:

— За Стеной, насколько мне известно, кроется только одно: безумие.

Был он и у Артекса, древнего старца, который едва расслышал взволнованный голос юноши. Старец долго смотрел на Шервана из-под опущенных век, чересчур утомленных, чтобы открываться полностью, наконец ответил:

— Кайрон воздвиг Стену на третий день сотворения мира. А что за ней, мы узнаем, когда умрем, ибо туда уходят души умерших.

Однако Ирген, живший в том же городе, сказал совсем иное.

— Только память может ответить на твой вопрос, сын мой. Ибо за Стеной находится страна, где мы обитали до нашего рождения.

Кому верить? Ясно: ответ не известен никому из них. Даже если его когда-то знали, это знание утрачено много веков назад.

Но хотя поиски Шервана были бесплодными, он приобрел немало знаний за год учения. И когда вновь наступила весна, он попрощался с Брейлдоном и другими друзьями, с которыми только-только успел сблизиться, и по древней дороге направился домой, на родину. Опять совершил он трудный переход через высокий перевал в горах, где сверху угрожающе свисали глыбы льда. Дальше Шерван достиг того места, откуда извилистая дорога снова шла под уклон, спускаясь к людям. Здесь было тепло, струились шумные потоки и не перехватывало дыхание от морозного воздуха, и отсюда, с уступа, после которого дорога устремлялась вниз, в долину, открывался вид на предгорья и на равнину, вплоть до мерцающего вдали океана. И там, у края неба, взгляд Шервана различил во мраке смутную тень — его родину.

Он спускался по могучему каменному ребру, пока не достиг моста, перекинутого людьми через теснину еще в

древности, когда землетрясение разрушило единственную в этих горах дорогу. Но мост исчез: весенние бури и лавины снесли одну из могучих опор, и чудесная металлическая радуга обратилась в груду лома, омываемую неистовым пенистым потоком на дне тысячефутовой пропасти. Только к концу лета путь будет открыт опять... Поворачивая обратно, опечаленный Шерван знал, что пройдет еще год, прежде чем он сможет увидеть родной дом.

Долго простоял он на верхнем изгибе дороги, глядя на недосягаемую страну, где находилось все, что дорого его сердцу. Но вот сгустившийся туман скрыл ее, и Шерван решительно двинулся к перевалу. Равнина исчезла из виду, снова его со всех сторон обступили горы.

Брейлдон был еще в городе, когда вернулся Шерван; он удивился и обрадовался, увидев друга. Вместе они обсудили, чем заполнить предстоящий год. Родичи Шервана успели привязаться к своему гостю и были только рады ему, однако он холодно принял их совет еще год посвятить учению.

Замысел Шервана постепенно созревал, вопреки всем препятствиям. Даже Брейлдон на первых порах колебался, и понадобились долгие уговоры, чтобы привлечь его на свою сторону. Зато после этого нетрудно было добиться согласия всех остальных, от кого зависел успех.

Близилось лето, когда двое юношей выехали в путь, направляясь в страну Брейлдона. Они торопили коней, потому что путь был долгий и его надо было завершить до того, как Трилорн начнет клониться к горизонту, возвещая приход зимы. Достигнув мест, знакомых Брейлдону, они стали добиваться от жителей кое-каких сведений, и те сперва только кивали, но в конце концов дали точные ответы, и вскоре друзья очутились в Стране Вечной Тени. А затем Шерван во второй раз в жизни увидел Стену.

Когда она предстала их глазам, высясь над пустынной, скудной равниной, то казалось — до нее не так уж далеко. Однако пришлось еще очень долго ехать по равнине, прежде чем Стена заметно приблизилась. Зато потом вдруг оказалось, что они почти у ее подножья; невозможно было оценить расстояние, пока не подойдешь вплотную, так что можно коснуться Стены рукой.

Глядя на черную плоскость, столь сильно занимавшую его мысли, Шерван чувствовал, что она словно нависает над ним, готовая упасть и сокрушить его своей тяжестью.

Лишь с трудом оторвал он взгляд от гипнотического зрелища и подъехал еще ближе, чтобы понять, из чего сложена стена.

Как и говорил ему Брейлдон, она была холодная на ощупь, холоднее, чем можно было ожидать. Не мягкая и не твердая; ее покров каким-то непонятным образом ускользал от осязания. У Шервана было такое чувство, будто что-то мешает ему по-настоящему ощутить поверхность; и однако же он не видел никакого просвета между Стеной и своими пальцами, когда прижимал их к ней. Всего удивительнее была жуткая тишина, о которой рассказывал дядя Брейлдона: каждое слово тонуло, всякий звук затухал с неестественной быстротой.

Брейлдон снял с вьючных коней привезенный инструмент и принялся исследовать поверхность Стены. Очень скоро он убедился, что ни сверло, ни долото не оставляют на ней следа. И Брейлдон заключил то же, что Шерван: Стена не только несокрушима — она неприкасаема.

С досадой взял он наконец совершенно прямую металлическую линейку и приложил ее ребром к Стене. Шерван зеркалом направил на черту соприкосновения отраженный свет тускнеющего Трилорна, а Брейлдон смотрел с другой стороны линейки. Так и есть: чрезвычайно тонкая сплошная полоска света просачивалась между двумя поверхностями.

Брейлдон задумчиво взглянул на друга.

— Шерван,— сказал он,— мне сдается, Стена сделана не из той материи, которая известна нам.

— Тогда, быть может, правы легенды, говоря, что ее никто не строил, что она была создана такой, какой мы ее видим.

— Мне тоже так кажется,— ответил Брейлдон.— Мастера Первой Династии могли решать такие задачи. В моей стране есть очень древние здания, будто разом отлитые из вещества, на котором не заметно никаких следов износа. Будь они черные, а не цветные, я бы сказал, что тот материал очень похож на вещество Стены.

Он убрал бесполезный инструмент и стал устанавливать простой переносный теодолит.

— Если больше ничего не выходит,— сказал он, криво усмехаясь,— то хоть ее высоту определю!

Когда они, возвращаясь, в последний раз оглянулись на Стену, Шерван думал о том, что вряд ли увидит ее

вновь. Больше ничего не выведаешь, остается только забыть свою нелепую мечту когда-нибудь раскрыть ее секрет... А может быть, никакого секрета и нет, может быть, за Стеной снова тянется Страна Вечной Тени, огибая кривизну мира, пока с другой стороны опять не упрется в Стену. Да, скорее всего так и есть. Но если это так, то зачем она сооружена и кем?

Усилием воли, чуть ли не сердясь, он отогнал прочь эти мысли и пришпорил коня навстречу Трилорну, размышляя о будущем, в котором Стене отводилось не больше места, чем в жизни любого человека.

Итак, два года минуло, прежде чем Шерван смог вернуться на родину. За два года, особенно когда вы молоды, многое забывается, тускнеют даже самые дорогие сердцу образы, и трудно представить их себе отчетливо. Когда Шерван, выехав из предгорий, вновь очутился в стране своего детства, радость смешивалась в его душе со странной печалью. Забыто много такого, что некогда казалось ему навеки запечатленным в памяти...

Весть о возвращении Шервана опередила его, и вот уже он видит вдали скачущих навстречу коней. Он и сам поехал быстрее, надеясь, что это Шервал; оказалось, однако, что кавалькаду возглавляет Грейл.

Шерван остановил коня, как только старик поравнялся с ним. Грейл положил руку юноше на плечо, но отвернулся и заговорил не сразу.

Вот когда Шерван узнал, что прошлогодние бури разрушили не только мост: молния разбила вдребезги его отчий дом. Задолго до назначенного часа все земли, принадлежавшие Шервалу, перешли во владение сына. И не только они: ведь когда пламя пало на большой дом, в нем собрались, по заведенному обычаю, на ежегодную встречу все члены семьи. Так в одно мгновенье весь край от гор до океана стал собственностью Шервана. Он оказался самым богатым человеком на памяти людей — и все это богатство Шерван охотно отдал бы за то, чтобы еще раз взглянуть в спокойные серые глаза отца, которого ему не суждено было больше увидеть.

Трилорн уже много раз совершил свой годичный путь в небесах с тех пор, как Шерван на дороге у подножья

гор расстался с детством. Все эти годы страна процветала; земли, что вдруг перешли к Шервану, постоянно росли в цене. Он рачительно управлял ими, и теперь у него снова появилось время мечтать. Больше того, он располагал средствами, чтобы осуществить мечту.

Из-за гор часто доходили вести о работах, которыми руководил Брейлдон в стране на востоке, и хотя друзья юности не встречались, они постоянно обменивались посланиями. Брейлдон достиг заветных целей: не только начертил планы двух крупнейших зданий, воздвигнутых со времен древности, но задумал построить целый город — правда, он не мог рассчитывать, что это будет завершено при его жизни. Слыша все эти новости, Шерван вспоминал мечты своей юности, и мысли его вновь и вновь обращались к тому дню много лет назад, когда друзья стояли вместе перед могучей Стеной. Долго он боролся сам с собой, боясь понапрасну пробудить старые стремления. Но в конце концов решился и написал письмо Брейлдону; ибо что толку от могущества и богатства, если нельзя при их помощи воплотить свою мечту?

И Шерван стал ожидать ответа, беспокоясь: уж не забыл ли Брейлдон о былом за все эти годы, увенчавшие его славой. Ему не пришлось ждать долго. Брейлдон сообщил, что не может прибыть тотчас, нужно довести до конца большие работы, но как только они будут завершены, он приедет. Шерван задал ему достойную задачу — ее выполнение сулило зодчему высшую радость, какую ему когда-либо доводилось испытать.

Брейлдон прибыл в начале лета; Шерван встречал его на дороге ниже моста. Они были юношами, когда расстались, теперь уже почти достигли средних лет, и все-таки, приветствуя друг друга, оба чувствовали себя так, словно и не было долгой разлуки, и каждый, глядя на друга, втайне радовался тому, сколь бережно Время коснулось знакомых черт.

Много дней они совещались, обсуждая составленный Брейлдоном план. Замысел был обширнейший, рассчитанный на много лет упорного труда, но вполне доступный для столь богатого человека, как Шерван. Прежде чем сказать последнее слово, он повел друга к Грейлу.

Старик уже несколько лет жил в маленьком доме, который построил для него Шерван. Он давно отдалился от

высших кругов, однако всегда был готов помочь советом, и советы его оставались неизменно мудрыми.

Грейл знал, для чего приехал Брейлдон, и не удивился, когда архитектор развернул перед ним свои чертежи. На самом большом чертеже был намечен профиль Стены, а рядом с ней от подножья возвышалась огромная пологая лестница. В шести местах, разделенных совершенно равным расстоянием, наклонная плоскость переходила в просторные площадки; последняя из них немного не достигала верхней кромки Стены. По всей длине лестницы отходило десятка два аркбутанов, которые сперва показались Грейлу чересчур тонкими и хрупкими. Но затем он понял, что могучее сооружение будет главным образом опираться на собственное основание, а с одной стороны сама Стена примет на себя боковой распор.

Некоторое время он молча разглядывал чертеж, наконец негромко заметил:

— Ты всегда умел настоять на своем, Шерван. Я должен был предвидеть, что кончится этим...

— Значит, ты одобряешь наш замысел? — спросил Шерван.

Он никогда не шел наперекор советам мудрого старца, и на этот раз ему хотелось получить его одобрение. Как обычно, Грейл тотчас схватил суть.

— Сколько это будет стоить?

Брейлдон ответил, на мгновение воцарилась выразительная тишина.

— Сюда входит,— поспешно добавил архитектор,— стоимость хорошей дороги через Страну Вечной Тени и жилищ для работников. Лестница будет сложена из примерно миллиона больших одинаковых кирпичей. Если тщательно подогнать их, получится очень прочно. Я рассчитываю, что сырье для кирпичей мы найдем в Стране Вечной Тени.

Он тихо вздохнул.

— Конечно, я предпочел бы лестницу из соединенных вместе железных брусьев, но это станет еще дороже, ведь придется все железо везти из-за гор.

Грейл изучил чертеж более тщательно.

— Почему вы останавливаетесь, не доходя кромки? — спросил он.

Брейлдон перевел взгляд на Шервана, который ответил с некоторым замешательством:

— Я хочу один ступить на кромку. Последний кусок преодолею на подъемнике, мы установим его на верхней площадке. Один потому, что дальше может оказаться опасно.

Это была не единственная причина, но достаточно веская. За Стеной, как однажды сказал Грейл, человека подстерегает безумие. Если это так, незачем еще кому-то подвергать себя опасности.

Снова заговорил Грейл спокойным, чуть ли не сонным голосом:

— В таком случае твой замысел не назовешь ни хорошим, ни дурным, ибо речь идет о тебе одном. Если Стену соорудили, чтобы от чего-то оградить наш мир, с той стороны все равно ничто не проникнет.

Брейлдон кивнул.

— Мы это предусмотрели,— произнес он не без гордости.

— Если понадобится, лестницу можно мгновенно уничтожить: мы заложили в самых уязвимых местах взрывчатое вещество.

— Хорошо,— ответил старик.— Хоть я и не верю всем этим россказням, лучше быть начеку. Надеюсь, я еще буду жив, когда вы закончите работу. А теперь попытаюсь вспомнить, что я слышал о Стене, когда был таким же молодым, каким был ты, Шерван, когда впервые спросил меня о ней.

Еще до начала зимы провели дорогу к Стене и начали строить жилища для работников. Большую часть того, в чем нуждался Брейлдон, было легко раздобыть, в Стране Вечной Тени было изобилие всякого камня. Он успел также обмерить Стену и выбрать место для лестницы. И когда Трилорн стал спускаться к горизонту, Брейлдон был доволен своими трудами.

К следующему лету были изготовлены, испытаны и одобрены Брейлдоном первые большие кирпичи; в том же году их сделали несколько тысяч и до зимы начали класть основание. Брейлдон оставил за себя надежного человека и возвратился на родину к прерванным там работам. Когда будет приготовлено вдоволь кирпичей, он приедет опять, а до тех пор в его надзоре нет нужды.

Шерван дважды или трижды в год отправлялся верхом к Стене, наблюдал, как вырастают пирамиды готовых кир-

пичей. А через четыре года вместе с ним туда снова приехал Брейлдон. Вдоль Стены поползли вверх ряды кладки, один за другим изогнулись в воздухе стройные аркбутаны. Поначалу лестница росла медленно, но чем уже она становилась, тем быстрее тянулась ввысь. Третью часть года длился вынужденный перерыв, и в тревожные зимние месяцы Шерван не раз стоял возле рубежей Страны Вечной Тени, прислушиваясь к бешеному вою ветра в гулком мраке. Но Брейлдон строил надежно, и каждую весну оказывалось, что постройка стоит невредимая, точно она готовилась поспорить незыблемостью с самой Стеной.

Последние кирпичи легли на место через семь лет после начала работ. Стоя в миле от Стены, чтобы видеть постройку в целом, Шерван с удивлением думал о том, что все это вышло из нескольких чертежей, которые показывал ему Брейлдон. И он ощутил нечто вроде того, что испытывает художник, воплотив заветный замысел. А еще он вспомнил день, когда мальчиком, стоя рядом с отцом, впервые увидел Стену вдали, на фоне сумеречного неба Страны Вечной Тени.

Верхняя площадка была огорожена, но Шерван не стал подходить к краю. Стараясь не думать о головокружительной высоте, он помог Брейлдону и работникам установить несложный подъемник, который должен был пронести его остающиеся двадцать футов. И когда все было сделано, Шерван стал на платформу и, призвав на помощь все свое самообладание, повернулся к друзьям.

— Я всего на несколько минут,— сказал он с напускной небрежностью.— Что бы я ни нашел, вернусь немедленно.

Мог ли он знать, что у него просто не будет выбора.

Грейл к этому времени уже почти ослеп и не надеялся дожить до следующей весны. Но он узнал приближающиеся шаги и окликнул Брейлдона по имени прежде, чем тот успел заговорить.

— Я рад, что ты пришел,— сказал он.— Я размышлял обо всем, что вы мне говорили, и мне кажется, я теперь знаю истинный ответ. Возможно, и вы его уже угадали.

— Нет,— ответил Брейлдон.— Я боялся об этом думать.

Старик чуть улыбнулся.

— Зачем бояться чего-то лишь потому, что оно необычно? Стена замечательна, спору нет, но в ней ничего страшного для того, кто готов бестрепетно бросить вызов ее тайне. Когда я был мальчиком, Брейлдон, мой старый учитель однажды сказал мне, что время не может уничтожить истину, может только скрыть ее под покровом легенд. Он был прав. Из всех мифов, повествующих о Стене, я извлек теперь зерна истины... Давным-давно, Брейлдон, в пору расцвета Первой Династии, Трилорн давал больше тепла, чем теперь, и Страна Вечной Тени была плодородна и обитаема — какой, возможно, станет Огненная Страна, когда Трилорн еще состарится и потускнеет. В то время никакая Стена не преграждала людям путь на юг. И многие, видимо, шли туда в поисках новых земель. А там с ними происходило то же, что произошло с Шерваном, и у людей мутился рассудок. Число жертв было так велико, что ученые Первой Династии воздвигли Стену, чтобы обуздать безумие. Мне-то это кажется неправдоподобным, но легенды утверждают, будто Стена была создана в один день, без применения труда, из облака, которое опоясало весь мир...

Грейл впал в задумчивость, и Брейлдону не хотелось ему мешать. Мысленно он перенесся в далекое прошлое, и собственный мир представился ему в виде парящего в космосе шара, вдоль экватора которого сгущался созданный Древними обруч мрака. И хотя этот образ был неверен в самом главном, Брейлдон после так и не смог совершенно стереть его в своей памяти.

По мере того, как уходили вниз последние футы Стены, Шервану пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закричать: «Спускайте обратно!» Вспомнились страшные рассказы. Некогда он встречал их смехом, ибо в его роду не было суеверных — но вдруг они окажутся правдой, вдруг Стена и впрямь создана для того, чтобы скрыть от мира нечто ужасное?

Шерван попытался выбросить из головы подобные мысли — ему это удалось, когда он поднялся над верхней кромкой Стены. В первый миг Шерван никак не мог осмыслить картины, представшей его глазам, затем он понял, что перед ним непрерывная черная поверхность, но протяженность ее определить было невозможно.

Подъемник остановился; Шерван с восхищением отметил, сколь точны были расчеты Брейлдона. А затем, еще раз сказав напоследок что-то успокоительное ожидающим внизу, он ступил на Стену и решительно зашагал вперед.

На первый взгляд плоскость казалась бесконечной, он не мог даже различить, где она смыкается с небом. Однако Шерван продолжал упорно идти вперед, обратившись спиной к Трилорну. Жаль, что нельзя узнать направление по собственной тени: она терялась во мраке под ногами.

Что-то не так, отметил Шерван, с каждым шагом кругом все темней и темней... Встревоженный, он обернулся назад и увидел, что диск Трилорна стал бледным и мутным, точно он смотрел на него через закопченное стекло. Но это еще не все: с нарастающим чувством тревоги Шерван понял, что *Трилорн меньше того солнца, которое он знал всю жизнь.*

Он сердито, упрямо тряхнул головой. Вздор, игра воображения. Все это настолько не отвечало всему его жизненному опыту, что страх каким-то образом исчез, и Шерван, еще раз оглянувшись на солнце, решительно пошел дальше.

Но когда Трилорн обратился в точку, и Шервана со всех сторон обступил густой мрак, пришла пора отбросить притворство. Более рассудительный человек тут бы и повернул обратно; Шерван, словно в кошмаре, увидел себя затерявшимся в вечном сумраке между землей и небом, бессильным одолеть обратный путь — путь к безопасности. Затем он вспомнил, что покуда хоть немного виден Трилорн, ему ничто не грозит.

Уже не так бодро Шерван продолжал путь, поминутно озираясь на едва приметный свет. Диск Трилорна скрылся, на его месте осталось лишь слабое зарево в небесах. И вдруг исчезла надобность в этом маяке: далеко впереди виднелся на небосводе другой свет.

Сперва Шерван уловил чуть заметное, неверное сияние, и когда он удостоверился, что это не обман зрения, Трилорн окончательно погас. Но теперь он уже чувствовал себя увереннее. С каждым шагом свет становился ярче, и его страхи поумерились.

Когда он увидел, что идет навстречу другому солнцу, когда стало совершенно очевидно, что оно растет, как не-

задолго перед тем уменьшался Трилорн, Шерван заставил себя не удивляться. Сейчас — только наблюдать, запоминать. Осмысливать он будет потом. В конце концов можно же представить себе, что в его мире два солнца, каждое из которых освещает свою сторону мира.

Наконец Шерван сквозь мрак различил черную линию, обозначающую край Стены. Скоро он будет первым за много тысяч лет, если не вообще первым человеком, который увидит страну, отделенную Стеной от его мира. Так ли она прекрасна, как его родина, есть ли там люди, встреча с которыми принесет ему радость?..

Мог ли он предвидеть — кто и как его будет ждать!

Грейл протянул руку к шкафу и нащупал рукой большой лист бумаги, лежащий сверху. Брейлдон молча ждал; старик снова заговорил:

— Как часто все мы слышим суждения о протяженности вселенной, есть ли у нее границы! Космос представляется нам бесконечным, однако наша мысль восстает против представления о бесконечности. Некоторые философы предположили, что космос ограничен кривизной в некоем высшем измерении. Ты, конечно, слышал об этой догадке. Она верна, быть может, для других вселенных, если они существуют, для нас же ответ более прост. *Вдоль линии, обозначенной Стеной, Брейлдон, наш мир кончается — и не кончается.* Пока не воздвигли Стену, не было рубежа, не было ничего, что мешало бы идти вперед. Стена — барьер, созданный человеком и наделенный свойствами среды, в которой он расположен. Эти свойства всегда существовали, Стена не внесла ничего нового.

Он поднял лист бумаги вверх и медленно повернул его.

— Вот, — сказал он Брейлдону, — плоский лист. У него, разумеется, две стороны. *Можешь ты представить себе лист без двух сторон*?

Брейлдон удивленно воззрился на него.

— Это невозможно... смехотворно!

— Так ли? — мягко произнес Грейл.

Он еще раз протянул руку к шкафу, взял из ящика длинную полоску бумаги и обратил невидящий взгляд на молчаливо ожидающего Брейлдона.

— Мы не можем сравниться умом с людьми Первой Династии, но что они понимали прямо, мы можем постичь

сопоставлением. Простой фокус, по видимости такой ненаучный, поможет тебе приблизиться к пониманию.

Он провел пальцами вдоль бумажной полоски, затем соединил ее концы так, что получилось замкнутое кольцо.

— Ты видишь нечто очень знакомое тебе — часть цилиндра. Я провожу пальцем с внутренней стороны... вот так. Теперь с наружной стороны. Две раздельные поверхности, перейти с одной стороны на другую можно только через толщину полоски. Согласен?

— Разумеется,— подтвердил Брейлдон, все еще озадаченный.— Но что это доказывает?

— Ничего,— ответил Грейл.— Однако смотри теперь...

Шерван сказал себе, что новое солнце — двойник Трилорна. Мрак совершенно рассеялся, и у него уже не было необъяснимого ощущения, будто он идет по бесконечной плоскости.

Шерван пошел медленнее, ему вовсе не хотелось вдруг очутиться на краю головокружительного обрыва. А затем на горизонте показались низкие холмы, такие же голые и бесплодные, как те, которые он оставил позади. Это его не обескуражило: ведь первое впечатление от собственной страны было бы не более отрадным.

И Шерван продолжал идти. Вдруг словно ледяная рука сжала его сердце, но он не остановился, как поступил бы на его месте менее храбрый человек. Полный прежней решимости, смотрел он на потрясающе знакомый ландшафт впереди... Вот и равнина, откуда он начал свое восхождение, вот огромная лестница, и вот, наконец, озабоченное лицо ожидающего его Брейлдона.

Грейл снова соединил вместе концы бумажной полоски, но сперва один раз перекрутил ее.

— Проведи теперь пальцем,— тихо сказал Грейл.

Брейлдон не стал этого делать, он и без того понял, что подразумевает старый мудрец.

— Я понимаю,— произнес он.— Больше нет двух раздельных плоскостей. Теперь — одна сплошная поверхность, *односторонняя плоскость*, хотя на первый взгляд это кажется совершенно невозможным.

— Да,— мягко ответил Грейл.— Я так и думал, что ты

поймешь. *Односторонняя плоскость.* Может быть, тебе теперь ясно, почему в древних религиях так распространен символ перекрученной петли, хотя смысл ее был совершенно утрачен. Разумеется, это всего-навсего грубая, упрощенная аналогия, пример в двух измерениях того, что на деле существует в трех. Но это наибольшее приближение к истине, на какое способен наш разум.

Последовала долгая, задумчивая тишина. Грейл глубоко вздохнул и повернулся к Брейлдону, будто все еще мог видеть его лицо.

— Почему ты возвратился прежде Шервана? — спросил он, хотя отлично знал ответ.

— Мы вынуждены были сделать это,— печально произнес Брейлдон,— но я не мог смотреть, как разрушают мое творение...

Грейл сочувственно кивнул.

— Понимаю...

Шерван скользнул взглядом вверх вдоль длинной череды ступеней, по которым не суждено было больше ступать никому. Ему не в чем упрекнуть себя: он сделал все, никто на его месте не добился бы большего. Он победил, насколько тут вообще можно говорить о победе.

Он медленно поднял руку, подавая знак. Стена поглотила взрыв, как поглощала все звуки, но Шерван на всю жизнь запомнил неспешную грацию, с какой длинные пролеты кладки надломились и рухнули вниз. На миг ему с мучительной отчетливостью представилось странное видение: другая лестница, на глазах у другого Шервана, распадается на такие же обломки по ту сторону Стены.

Но он сам понимал, сколь нелепа эта мысль: ибо кто лучше него мог знать, что у Стены нет другой стороны.

Перевод с английского Л. Жданова

альманах

научной

фантастики

выпуск 3

СОДЕРЖАНИЕ

Составители Е. БРАНДИС,
В. ДМИТРЕВСКИЙ

Редактор Г. МАЛИНИНА
Рисунок на обложке Л. ЗОБЕРН
Художественный редактор Л. МОРОЗОВА
Технический редактор Л. АТРОЩЕНКО
Корректор В. КАЗАКОВА

Сдано в набор 14/IV 1965 г. Подписано к печати 17/VII 1965 г. Изд. № 104. Формат бумаги 84×108[1]/[32]. Бум. л. 4,375. Печ. л. 8,75. Условн. печ. л. 14,35. Учетно-изд. л. 14,51. А01263. Цена 58 коп. Тираж 115 000 экз. Заказ № 2514.

Опубликовано: Темплан 1965 г. № 18.

Издательство „Знание". Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим отзыв об этой книге и свои предложения присылать в издательство «Знание» по адресу:

Москва, Центр, Новая площадь, дом 3/4.